

А. ЯНВЕРК

РОДИНОВЕДЕНИЕ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Ч. I: ПЕРВЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ

ЮРЬЕВ 1922

А. ЯНВЕРК

РОДИНОВЕДЕНИЕ

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Ч. I: ПЕРВЫЙ ГОД ОБУЧЕНИЯ

41631

ЮРЬЕВ 1921

8st. A
[Redacted]
[Redacted]
16879

В семье.

Мать.

Кротко озаряла
комнату лампада,
мать над колыбелью
наклонясь стояла.
А в саду сердито
выла буря злая,
над окном деревья
темные качая.

Дождь шумел, раскаты
слышались грома;
и гремел, казалось,
он над крышей дома.
На малютку-сына
нежно мать глядела;
колыбель качая,
тихо песню пела:
„Ах, уймись ты, буря!
Не шумите ели!
Мой малютка дремлет
тихо в колыбели!
Ты, гроза Господня,
не буди ребенка!
Пронеситесь, тучи
черные, сторонкой“.
Спи, дитя, спокойно...
Вот гроза стихает,
матери молитва
сон твой охраняет.
Завтра, как проснешься
и откроешь глазки,
снова встретишь солнце,
и любовь, и ласки.

Пословица. Мать лелеет, что солнышко греет.

Любовь детей к матери.

Умер у Катерины муж, осталась она вдовой с четырьмя детьми. Старшему мальчику было только десять лет.

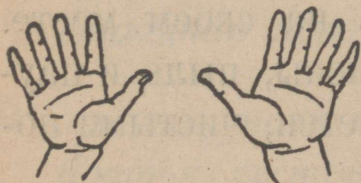
Перед праздникомъ Пасхи захворала Катерина, в постель слегла. Лежит она, охает, горюет: „Вот праздник подходит, а нам и встретить его нечем. Ох, горе наше горькое“.

Старший сынок ласкается к матери и говорит: „Не горюй, мама, я в люди пойду, денег заработаю, всего у нас будет много“.

Шестилетняя девочка припала головкой к матери и говорит: „Не плачь, мама, я пол в избе вымету, лавки вымою и все приберу“.

Поцеловала мать детей, улыбается, и стало ей легче.

Десять работников.

Дела у хозяйки много: семью накормить, напоить, всех обшить, избу прибрать, коров

подоить и много кое чего надо сделать. Было бы невозможно этого сделать, если бы ей не помогали пять пар маленьких работников. Два первых работника — малы ростом, толсты, неуклюжи, зато сильны. Два другие — длинные проворные: без них никакое дело не обходится. Третья пара еще больше ростом. Один из них ловко владеет иглой, когда надевает на себя стальную шапочку. Остальные две пары помогают братьям в общей работе. Эти десять работников исполняют охотно все, что только хозяйка им приказывает. Отгадайте, кто эти работники?

Загадка. Весь свет одевают, а сами нагишом.

Домашние порядки.

У хорошей хозяйки в доме чистота и порядок. Всякая вещь на своем месте. Столы и лавки выскоблены, пыль и паутина сметены, пол выметен, чистыми половиками застлан.

В грязную погоду в сенях постлана солома, а на крыльце рогожка, чтобы ноги обтирать.

Каждую субботу хозяйка уборку делает: все чистит, моет, проветривает, словно жилье заново устраивает.

Маленькая няня.

*Ярко блещет в небе солнце
жарок летний
день...*

*И работать в это
время
тяжело и лень.*

*Но кипит в полях
работа
с самого утра:
наступила для деревни
страдная пора.*

*В поле все ушли большие:
братья, сестры, мать,*

и оставили Марину
крестника качать.

Душно в хате, скучно в хате
яркий летний день
манит в поле, в лес, на речку...

И Марине лень

люльку крестника-братишки
медленно качать,
„баю-баюшки, соколик“, —
громко распевать.

Смотрит солнышко приветно
в хату чрез окно;
убежала бы из хаты
девочка давно

на широкий луг зеленый,
чтоб нарвать цветов,
или в лес, где много, много
ягод и грибов;

убежала бы Марина,
да нельзя бежать:
мать велела ей братишку —
плаксуна качать.

*И задумалась бедняжка
с грустью о цветах;
и дрожат, дрожат слезинки
в голубых глазах.*

Помощник.

Поздно вечером вернулся отец с работы. Он еле двигал усталыми ногами. Вошел в избу, сел у стола и тяжело вздохнул.

— Что ты вздыхаешь, тятя? — спросил его маленький сын.

— Очень устал, много работал.

На другой день мальчик встал чуть свет и живо оделся.

— Ты куда собрался так рано? — спросила его мать.

— Пойду с тятей на работу. Хочу ему помогать.

Отец улыбнулся. Он был рад, что у него растет помощник.

Игра в городки.

С двух сторон, как будто пушки
городки стоят.

Собрались толпой ребята
весело шумят.

„Тыка!“ — „Ляпа!“ — „Ну, скорее
мне битку давай!“ —

„Меться, Ваня, в середину —
в бок не попадай!“

Ваня встал; битка мелькнула,
городок упал,

и смотреть к черте, что выбил,
Ваня побежал.

„На черте!“ — „Не выбил!“ — „Ставьте
поскорей „попа“.

И над Ванею смеется
весело толпа.

Аленушка.

Аленушка наша
из тряпочек сшита;
Аленушка мяленькой
ватой набита.

Собой круглоличка,
глаза, как цветочки.
Аленушка в аленьком
ходит платочкѣ,

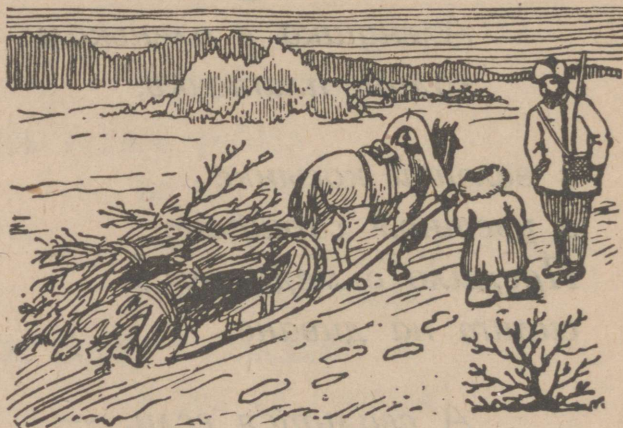
в зеленой косынке
в цветном сарафане.
Премило с медведем
сидит на диване.

А свалится если, —
она ведь не бьется, —
подымеешь, посадишь, —
глядит и смеется.

Зато уж Аленушку
любит Наташа.
Всем куколкам кукла
Аленушка наша!

Малютка-мужичок.

Однажды в студеную зимнюю пору я из лесу вышел; был сильный мороз. Гляжу: поднимается медленно в гору лошадка, везущая хворосту воз... И, шествуя важно в спокойствии чинном, лошадку ведет под узцы мужичок в боль-

ших сапогах, в полушубке овчинном, в больших рукавицах, а сам — с ноготок.

— Здорово, парнище!

— Ступай себе мимо!

— Уж больно ты грозен, как я погляжу! Откуда дровишки?

— Из лесу, вестимо: отец, слышишь,

рубит, а я отвожу. (В лесу раздавался топор дровосека.)

— А что у отца то большая семья?

— Семья-то большая, да два человека всего мужиков то: отец мой да я...

— Так вот оно что! А как звать тебя?

— Власом.

— А кой тебе годик?

— Шестой миновал... Ну мертвая!...

— крикнул малюточка басом, рванул под узцы и быстрее зашагал.

Дедушка.

Дедушка древен годами,
но еще бодр и красив.

Зубы у дедушки целы
поступь, осанка тверда.

Кудри пушисты и белы,
как серебро борода.

*Пословица. Корми деда на печи и сам там
будешь.*

Кому труднее.

I

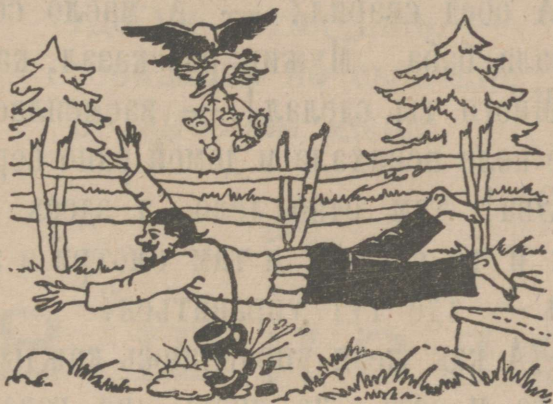
Муж с женой часто спорили, кому из них труднее. Муж говорит, что ему труднее, а жена говорит, что ей труднее.

Раз летом они решили поменяться работой: жена поехала пахать, а муж остался дома.

„Смотри-же“, говорит жена, — „стада не проспи: выгони коров да овец; цыплят не растеряй и накорми, а пока приеду с поля, обед свари, блинов напеки, масло сбей да просо там сухое не забудь истолочь“. Заказала баба все как следует и уехала с вечера.

Пока мужик собрался выгонять скотину, а стадо уже угнали, насили он его догнал. Вернулся он домой, перевязал цыплятам ножки, чтобы ястреб их не потаскал, а другой конец бечевки привязал к наседке. Видел он прежде, что жена в одно время месила квашню и толкла просо и он так хотел сделать. Начал месить тесто и толочь просо. А чтобы кстати за одно и масло сбить, привязал он горшок со сметаной к поясу. „Пока просо столчется и масло будет готово“, подумал он.

Только взялся за пшено, слышит курица кирр... кирр... и цыплята запищали. Хотел побежать поглядеть, что делается на дворе, да зацепился и упал, горшок со сметаной разбился вдребезги. Выскочил он на двор, видит ястреб схватил одного цыпленка и поднял его, а за

ним потащились и остальные цыплята со всем с курицей.

Пока мужик стоял на дворе, свинья вошла в сени, за ней другая. Влезли они в избу и начали работать: одна свинья свалила квашню — тесто расплылось, а свинье тем лучше, — жрет во весь рот; другая залезла в просо. Огонь в печке потух. Пришел мужик, видит беду и не знает, что ему делать.

II

Воротилась жена с поля. В'ехала на двор, — глядь курицы нет. Распрягла скорей лошадь да в избу. „Где курица с цыплятами?

— Ястреб унес. — Я перевязал цыплят, чтобы они не разбежались, а ястреб — такой дюжий — всех поднял!

— А обед сварил? — А масло сбил? — спрашивала баба. Мужик рассказал, как было.

— Много ты сделал! — засмеялась жена. А я свое поле вспахала и домой рано вернулась.

— Эва! там одно дело, а здесь ишь ты сколько: и то сделай, и там смотри и здесь не прозевай — где тут управиться?

— „А как же я управляюсь каждый день? Вот то-то и есть, не спорь, не говори, что бабам нечего делать“.

Без хозяина дом — сирота.

В маленькой избушке,

на конце села,

с Ваней малолеткой

бабушка жила.

Бабушка старенька,

внучек Ваня — мал,

оттого и дом их
 видимо упал...
 Закрома в амбаре,
 погреб и гумно,
 раньше там бывало,
 все полным-полно,
 а теперь все пусто;
 где ни поглядишь, —
 зернышка не сыщешь,
 по амбарам мышь.

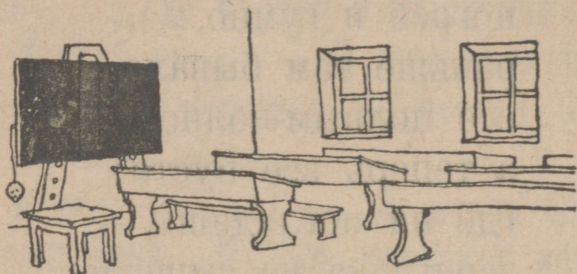

В ш к о л е.

Сельская школа.

Скромный, старый домик... Ветхое крылечко...
 Покривились стены... Побосилась печка...
 Стекла потускнели... Шаткие ступеньки...
 Черные без окон, земляные сени...
 Всюду бродит грустный призрак разрушенья
 в домике убогом на краю селенья.
 Днем и ночью так то, а с восходом солнца
 словно оживают тусклые оконца...

В них мелькают живо радостные лица,
в домик забегают деток вереница;
на скамьях садятся весело ребята...

Оживает разом серенькая хата.
Слышится в ней утром четкий и несменный
чей то голос звучный, громкий, вдохновенный.

Летом этот домик
был пустой и скучный,
а теперь в нем слышен
говор многозвучный.
Детские головки

за окном мелькают
 в перемену вместе
 весело играют.
 Вдруг звонок раздался!
 Вздогнули сердчишки...
 Брошены забавы
 в класс спешат детишки.
 Что не доиграли,
 скоро отдых снова,
 а теперь работать!
 В добрый час за книжки!

День прошел. Бегут гурьбой
 наши школьники домой.
 Радые все развеселились:
 „Ах, как славны мы учились!
 Я две сказочки прочла.

Я все пальчики сочла!
Я срисовывал лошадку!
Я списала все в тетрадку.
Завтра мы пойдем опять,
как бы только не проспать“.

Игры.

Во время перемены ученики выбежали на училищный двор. „Во что мы будем играть?“ спросил Коля. Один кричит: „В прятки!“ другой: „В жмурки!“ третий: „В мяч!“ а там кричат: „В кошки-мышки!“ — „В пятнашки!“ — „В городки!“ — „В чёт-нечет!“ — „В солдатики!“ — „В горелки!“ кто-то еще закричал: „В снежки!“ Все захохотали, потому что снегу еще не было.

Ж телу нужен порядок.

Костя готовил урок к следующему дню. Окончив работу, он оставил все на столе и побежал на двор играть. В это время его маленький братишка, Петя, подошел к столу, взял карандаш и стал

в тетради разные каракули выводить. Костя вернулся со двора и увидел, что тетрадь его измарана. Костя заплакал и побежал жаловаться матери. „Тут виноват не Пётя“, сказала ему мать: „он еще маленький, и ничего не понимает, что делает, а ты сам. Если бы ты убрал во время свои вещи, то этой беды не случилось бы!“

Урожай.

Сбор яблок и груш.

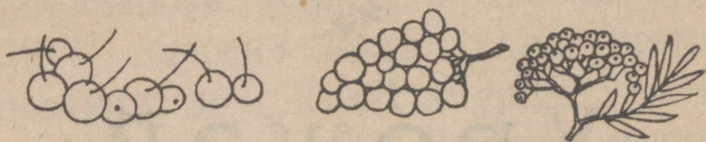
Мы бегали за огородом с ребятами и пускали змея, как вдруг нас позвал отец в наш фруктовый сад.

Мы совсем позабыли, что завтра Спас, и отец поедет в город продавать яблоки и груши.

Живо прибежали мы в сад и начали помогать старшим.

Отец и старшие братья подставили лестницу к дереву и стали осторожно снимать плоды палкой с корзинкой на конце. А мы с Мишей принимали от них спелые груши и красненькие яблочки; сестра Дуня укладывала их в корзинку с сеном.

Какие это плоды?

Яблочко.

*Что за яблочко! Оно
соку спелого полно,
так свежо и так ду-
шисто,
так румяно, золоти-
сто,*

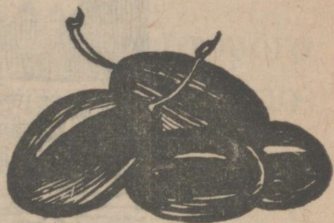
*будто медом налилось,
видны семечки насквозь!*

СЛИВЫ.

Мать купила слив и принесла домой. Вася никогда еще их не пробовал. Он взял тайком одну сливу и с'ел.

За обедом мать сказала: „Одной сливы не хватает. Не с'ел ли её кто-нибудь из вас, дети?“ Все ответили: „нет“. Вася покраснел и тоже сказал: „нет, я не ел“.

Тогда отец сказал: „Сливы нужно есть осторожно. Внутри у них находится косточка. Кто проглотит косточку, тот может умереть“.

Вася побледнел и сказал: „Я косточку не глотал, а бросил ее за окно“. Все засмеялись, а Вася заплакал.

Городской мальчик в поле.

Родители Вани жили постоянно в городе. Раз Ваня попал в деревню. Гуляя

по полю, он остановился, чтобы посмотреть на полевые работы.

— Что, мужичок, тяжела работа? — спросил Ваня крестьянина, идущего за сохой.

— Тяжела, да плата хороша, — отвечал крестьянин.

— Да для чего ты землю разрываешь?

— А для того, чтобы ее хорошенько дождиком смочило и солнышком пригрело. В сухой, неразрыхленной земле семя пропадает без пользы.

— А какое ты семя будешь сеять на этом поле?

— Пирожное.

— Да ты, я вижу, шутник! Такого и семени нет.

— Как нет? Ведь пироги то пекутся из пшеничной муки, а пшеницу сеют.

— А что это за растение с голубенькими цветочками виднеется там на поле?

— А это рубашки растут.

— Как рубашки?

— Да так... Это лен, из которого прядут нитки и ткут полотно, а из полотен шьют рубашки.

— Уж не растет ли тут на полях и сукно, из которого сшита моя куртка? — спросил Вася насмешливо.

— Расти-то оно не растет, — заметил крестьянин: — но бегают по полям.

— Ты уж совсем меня принимаешь за дурака! воскликнул мальчик.

— Нисколько, — отвечал крестьянин: — сукно выделяется из овечьей шерсти, а овцы бегают по полям. Вот ты в городе живешь, оттого и не знаешь. Начнешь в школу ходить, по книжкам будешь знать, — сказал смеясь крестьянин и стал понукать остановившуюся лошадь.

Пошел Ваня домой и задумался.

Урожай.

*Стала скотинушка в лес убираться,
стала рожь-матушка в колос ме-
таться,*

Бог нам послал урожай!

*Дождиком нивы мочило обильно;
солнышко красное грело их сильно.*

*Добрые люди спешите,
острые косы несите.*

*Ржица поспеет проворно,
чтоб не осыпались зерна...*

Бог нам послал урожай!

ЖНИТВО.

Глянуло красное солнышко из-за темного леса, чтобы поднять жнецов на работу, а жнецы уже встали и идут к полю широкому. А поле их дожидается, золотыми волнами переливается, до земли спелым колосом кланяется. — Ой, жнецы, вы дорогие! Отдохнули ль за ночь ваши рученьки? Отточены ль круты серпики? Полно мне махать спелым колосом. Хочу

я стоять в поле копнами, на гумне стогами, в клети засеками, на току ворохами да на столе пирогами.

Загадка. Тысяча братьев одним поясом подпоясаны.

Жатва.

Рожь как стала посевать,
ее бабы стали жать,
резать острыми серпами
да вязать ее снопами.

Хлеб убирают.

Сжали рожь и сложили ее в копны. Отец Васи запряг Рыжку и поехал в поле за снопами. Мать

и Катя подавали ему снопы, а отец укладывал их на возу. Наложили высокий воз. „Полезай наверх“, сказал Васе отец и помог ему взобраться на снопы. Улегся Вася на соломе и глядит на поле. Какое оно некрасивое стало! Вместо золотых колосьев и синих васильков торчат только колючие стебли жнивья. Приехали на гумно. Отец снял Васю с воза и стал складывать снопы в скирды.

Пословица. Лето собирает, зима поедает.

Солома и колосья.

Посеял крестьянин хлебные зерна. Весною покрылось поле ярко-зеленою травкою. Любуется крестьянин на свое поле и радуется, что зелень хороша. Загордилась зелень и думает: „Должно быть, я очень нужна крестьянину!“

Прошло время. Из молодой зелени поднялась высокая зеленая солома. Опять радуется крестьянин

и говорит: „Бог даст, хороший нынче уродится хлеб!“ Гордится солома, выше и выше тянется кверху.

Еще прошло время. Красивее стала солома: как золото на солнце блестит. Пуще прежнего заспесивилась солома. Сердится только она на тяжелые колосья: пригибают они солому к земле, не дают ей прямо стоять. „Чего же крестьянин смотрит, оборвал бы скорее колосья“, думает солома.

Пожал крестьянин хлеб, обмолотил; зерна собрал в амбар, а солому свалил в кучу. Зерна пошли на посев и пропитание, а солома — скотине на подстилку.

Молотьба.

Дружно все моло-
тят,
цепы в воздухе
летят,
о колосья ударяют,
из них зерна выби-
вают.

Молотьба.

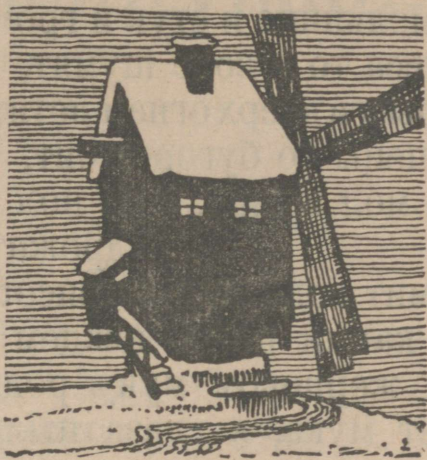
Нет веселее поры обмолота! Легкая дружно спорится работа; вторит ей эхо лесов и полей, словно кричит: „Поскорей! Поскорей!“ Звук благодатный! Кого он разбудит, верно, весь день тому весело будет. За нагруженной снопами телегой чинно идет жеребеночек негой; пар из отворенной фиги валит; кто-то в огне там, у печки, сидит. А на гумне только руки мелькают да высоко молотила взлетают.

Загадка. Над головой крутятся, в руках вертятся, стучат, гремят и все говорят: то-то мы, то-то мы!

Мельница.

Пошел Ваня гулять. Был сильный ветер и крылья ветряной мельницы быстро вертелись. Ване захотелось посмотреть поближе мельницу и он подошел. Из двери выглянул мужик, весь белый, это был мельник. „Дяденька, пусти

посмотреть“, стал просить Ваня. Мельник пустил. Внутри мельницы вертелись два больших камня один на другом. Верхний камень ходил по нижнему и перетирал зерно в белую муку. „А кто вертит этот камень?“ спросил Ваня.

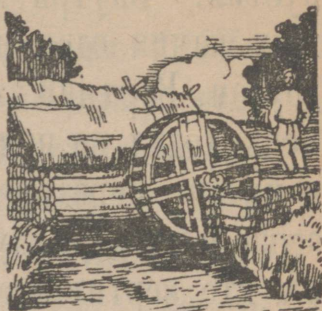
„Его вертит ветер“ — отвечал мельник. „Видишь, в середине мельницы вертится толстое бревно, к этому бревну приделаны крылья мельницы. Ветер вертит крылья, крылья вертят бревно, от бревна вертится жернов, который перетирает зерно в муку. А есть водяные мельницы. Там вода вертит колеса, как здесь ветер вертит крылья, а колеса вертят жернова. Понял?“

— Понял — сказал довольный рассказом мельника Ваня.

Загадка. Что за птица, крыльями машет, а улететь не может.

Водяная мельница.

Кипит вода, ревет ручьем;
на мельнице и стук и гром;
колеса то в воде шумят,
а брызги вверх огнем летят;
От пены то бугор стоит,
что мол живой, весь пол
дрожит;

шумит вода рукав трясет.
На камни рожь дождем течет,
под жерновом муку родит.
Идет мука, в глаза пылит.

*Загадка. Тах-тарарах, стоит дом на горах, вода
брызжется, борода трясется.*

Как Федя и
Сеня сделали
мельницу.

Осень наступает.

Осень.

Посмотри, в саду деревья
обнаженные стоят,
все печально доцветает,
листья по ветру летят.
Солнце красное не греет
не поют уж соловьи
ночи холодны и темны,
и коротки стали дни.
Небо пасмурно и хмуро
мелький дождик моросит...
Осень близко, осень злая
к нам в окошко уж глядит!...

Лес осенью.

*Осенние листья по ветру кружат,
осенние листья в тревоге вопят:
„Все гибнет, все гибнет! Ты черен и гол,
о, лес наш родимый, конец твой пришел!“*

*Не слышит тревоги их царственный лес:
под темной лазурью суровых небес,
его спеленали могучие сны,
и зреет в нем сила для новой весны.*

Сбор картофеля.

— Ребята! идите картошку собирать,
— сказала детям мать: — отец уже в
поле поехал.

Все бегут в перегонку с кузовками и
лукошками. Трехлетняя Лиза, взяв боль-
шое лукошко, тоже спешит в поле.

— Ты куда, Лиза? спрашивают ее.

— Калтоску собилать...

Отец распахал уже часть поля и дети стали обрывать картофелины.

— У меня скорей всех будет! — кричит Марфушка.

— А у меня уже готово! — закричал Сеня.

— Ишь ты! Твое лукошко меньше.

— И я! И я! — бежит Лиза, волоча пустое лукошко.

Кто набрал, тот тащит к матери, а она сыпет в мешок.

Время близится к вечеру: пора кончать работу. Собранную картошку повезли домой.

Вечером дети катали зеленые шарики, что растут на стеблях картофеля, бросали ими друг в друга; девочки нанизывали их на нитку и вместо бус одевали на шеи.

— Молодой картофель поспел! закричала из окна мать; все так и бросились в избу ужинать.

Загадка. *Есть плод, он яблоку сродни, но только разнятся они: одно на веточке растет между листьями, другой же прячется в земле и под корнями.*

Отлет птиц.

Бор дремучий шумит и гудит, ветер листья с деревьев кружит. Частым дождичком сеет в окно; хоть и день, а в избе уж темно.

Собирается птичка в отлет, вот в лесу она кличет, зовет: „Эй, скорей, перелетные в круг! Порешим как уйти нам на юг от осенних туманов и тьмы, от холодной, голодной зимы“.

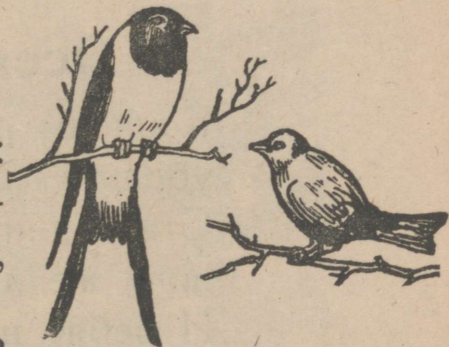
Ласточка и воробей.

В шапочке дорожной, с сумочкой походной
ласточка стоит.

Грустно улыбаясь, с воробьем прощаясь,
тихо говорит:

„Ну прощай надолго, серый воробей!
Не горюй, дружок, о судьбе моей:
я лечу далеко, в теплые края,
лишь весной опять ты ожидай меня“.

Воробей касатке ла-
почку пожал,
покачал головкой и,
вздохнув, сказал:
„Голод и ненастье бу-
ду здесь терпеть,
а зима наступит —
долго-ль умереть?

Буду без касатки очень я скучать,
каждый день тебя я буду вспоминать“.

Тут поцеловались дружески они,
наконец расстались пташечки мои.

Слезки утирая, плачет воробей,
все горюет, бедный, о судьбе своей.

Осень.

Как повеяли	Вянет травушка,
ветры буйные,	частым дождем
тучки серые	ко сырой земле
расходились.	прибивается.
От дерев листы	Осень празднуют
пожелтелые	мужики в селе;
вместе с пташками	от гумна дымок
разлетелись.	подымается.

*Пословица. Осень-то матка: кисель да блины;
а весною то гладко, сиди да гляди.*

Осенью.

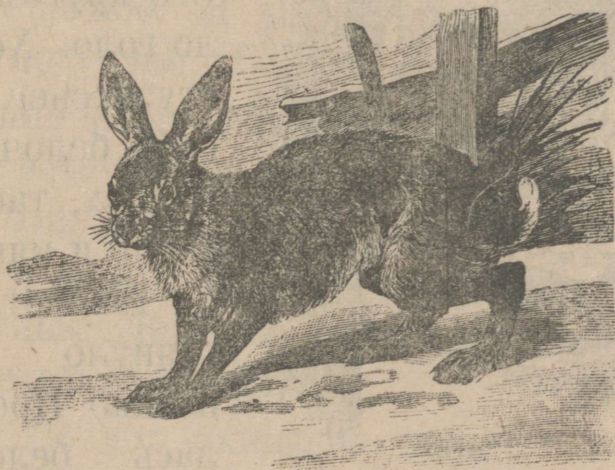
Кончены работы, —
убран хлеб с полей.
Стали дни короче,
ночи же длинней.
И ребят не видно
в деревнях глухих,
шум их, смех веселый
до зимы затих.
В теплые избушки
спрятались они
и в углах на печках
коротают дни...

Бедный зайка.

Хмурая, дождливая
наступила осень.

Всю капусту сняли, —
нечего украсть.

Бедный зайка прыгает
возле голых сосен,
страшно в зубы волку
серому попасть.

Думает о лете,	Только б потеплее,
прижимает уши,	только бы посуше!
на небо косится, —	Очень неприятно
неба не видеть.	по воде ступать.

Две белки.

В лесу жили по соседству две белки, каждая в своем дупле. Жили они дружно. Целыми днями собирали они запасов себе

на зиму. Свои хатки они уложили мохом, пушинками, сухими листьями. Наступила зима. Все кругом стало голо. Холод, стужа, снег. Спят себе белочки в дуплах, там им тепло и мягко.

Но вот выглянуло солнышко. Проснулась белочка,

покушала и захотелось ей погулять.

— Пойду, кстати, проведаю свою подругу, — сказала себе она.

Постучалась в дверку к соседке.

— Кто там?

— Я, ... твоя подруга.

Та отворила дверку.

— А! милости просим! Вот тут, во мху, согрей скорей лапки, а я приготовлю покушать, — захлопотала подруга.

— Не угодно ли орешков, жолудей — грызи. А то вот грибков не хочешь ли, летом плохой был урожай грибов, но я все таки немного припасла. Кушай! что же ты?

— Спасибо. Я уже кушала. Пойдем лучше погуляем. Сегодня погода теплая.

Вышли наши белочки из хатки и начали с веточки на веточку попрыгивать, пушистыми хвостиками помахивать.

Ну, и белки, ах, шалуньи, непоседы, хлопотуньи! Как же ловко вы головкой кувырнетесь, обернетесь!...

Но вот солнышко зашло,
нашим белкам холодно.

Нагулялись, нарезвились
и домой бежать пустились.

Д О М.

Знакомые работники.

Мы то, детки, день денской
кирпичи таскали
и под нашею рукой
стены вырастали.

Мы рубили топором, — глядь
и вышла хата!
Вспоминай-ка нас добром
да живи богато!

Постройка дома.

(Игра)*)

Дом стрят. Тут были каменщики, плотники, столяры, слесарь, стекольщик, маляры, кровельщики, штукатуры, печники. Дом окончен. Пришел хозяин, осмотрел его, остался доволен. Он созвал всех, кто работал над постройкой дома, и стал выдавать им деньги.

Подзывал хозяин каждого и спрашивал: „Ты что делал?“ — и платил им за работу...

Что отвечал каждый?

*) Учитель назначает одного из учеников хозяином, и нескольких — работниками. Каждый из работников исполняет свою роль при постройке дома, при чем класс рассказывает, что делает каждый работник.

Ленивый хозяин.

У ленивого хозяина на дворе грязи по колена. Крыши на избе и амбаре раскрыты и протекают от дождя. В стойлах нет яслей для корма скота. Сбруя часто рвется, телега поломана. Коса, пила, топор не точены.

Про двор ленивого хозяина говорят: „Три кола вбито, три хворостины завито, небом покрыто, светом обгорожено“.

Трубочист.

Кто пришел? Трубочист.

Для чего? Чистить трубы.

Чернощекий, белозубый,

а в руке — огромный хлыст.

Он совсем, совсем не страшный:

сажу высыпал на жечь.

Бублик вытащил вчерашний, —

будет есть.

Выйдет в юрод трубочист —

и скорей на крыши к трубам,

*где играет ветер с чубом,
где грохочет ржавый лист...*

Чистит, чистит — целый день...

Клопы.

Я остановился ночевать на постоялом дворе. Прежде чем ложиться спать, я взял свечку и посмотрел углы кровати и стен, и увидел, что во всех углах были клопы. Я стал придумывать, как бы устроиться на ночь так, чтобы клопы не добрались до меня.

Со мною была складная кровать.

Я знал, что если поставишь ее по середине комнаты, клопы сползут со стен на пол и с полу по ножкам кровати доберутся до меня. А потому я попросил у хозяина четыре деревянные чашки, налил в чашки воды и каждую ножку кровати поставил в чашку с водой. Я лег, поставил свечу на пол и стал смотреть, что будут делать клопы. Клопов было много, и они уже чуяли меня. Я видел, как они поползли по полу и взлезли на

край чашки и одни падали в воду, другие ворочались назад.

„Перехитрил я вас, — подумал я, — теперь не доберетесь“, — и хотел уже тушить свечу, как вдруг почувствовал, что меня кусает что-то. Осматриваюсь: клоп! Как он попал ко мне? Не прошло и минуты, я нашел другого. Я стал оглядываться и допытываться как до меня они добрались.

Долго я не мог понять, но наконец, взглянул на потолок и увидал — клоп лез по потолку. Как только он дополз вровень с кроватью, он отцепился от потолка и упал на меня. „Нет, — подумал я, — вас не перехитришь“, надел шубу и вышел на двор.

Сверчок.

Что поет сверчок за печкой?

„Тири-тири, надо спать!“

Месяц выбелил крылечко,

сон взобрался на кровать...

Он в лицо Катюше дышит:
„Ты коза, — закрой глаза!“
Катя слышит и не слышит.
За окном шуршит лоза.
Кто там бродит возле дома?
Ветер просит за трубою:
„Пи! Мне холодно! Пусти!...“
Это что еще такое?
В лес, на мельницу лети...
Катя ждет, поджав коленки.
Тишина... И вот опять
друг-сверчок запел со стенки:
„Тири-тири... надо спать!“

Домашние животные.

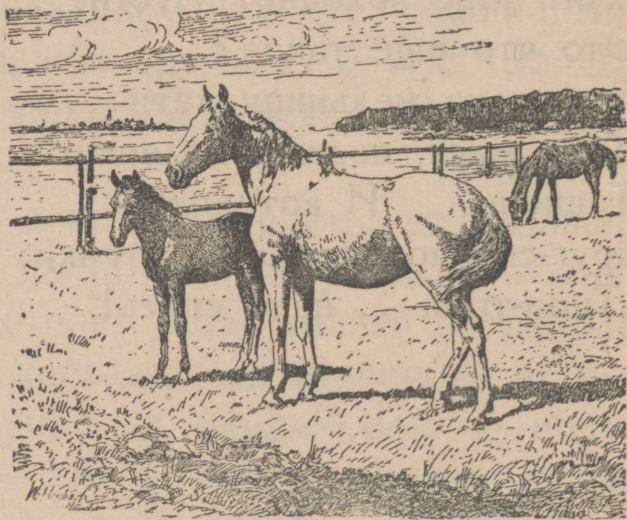
Гнедко.

Мы купили себе новую молоденькую лошадку.
Звали ее Гнедко.

В тот же день запрягли Гнедко возить воду;
и все с любопытством смотрели, как Гнедко везет
свою бочку.

Скоро Гнедко сделался общим любимцем. Бывало, водовоз Роман, воротясь с реки, запирает ворота, а Гнедко, войдет во двор, стоит с бочкой и ждет его, косит на него глазами.

— „Пошел один!“ крикнет ему Роман, — и Гнедко тотчас же повезет бочку один, довезет до кухни и остановится, ожидая баб с ведрами, — чтобы брать воду.

— „Умник, Гнедко!“, кричат ему: „Один привез!.. Слушается!“

— „Ишь в самом деле: скотина, а понимает!“

— „Молодец Гнедко!“

Гнедко мотает головой и фыркает, точно он и в самом деле понимает и доволен похвалами. Ктонибудь ему вынесет хлеба с солью. Гнедко ест и опять закидывает головою, точно, приговаривает: „Знаю я тебя! Знаю! И я милая лошадка и ты хороший человек!“

Что думает деревенская лошадка.

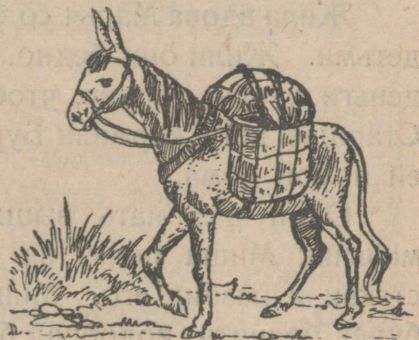
„Вот придет весна, растает снег на полях, и запрягут меня пахать землю. А в жаркое летнее время скосят траву на лугах, и буду я таскать возы с сеном. К осени опять придется возить в ригу снопы ржи и овса. А поедут мужички продавать и покупать всякое добро, так иногда целый день плетешься по вязкой дороге под дождем, под ненастным ветром. Зимой стоишь по колена в снегу где-нибудь в лесу, на морозе, а хозяин пилит дрова, накладывает в сани хворост. Так-то вся наша жизнь проходит в работе!“

Загадка. Не пахарь, не кузнец, не плотник, а первый на селе работник.

Недовольный осел.

Один садовник купил молодого осла. В мае месяце он заставил его каждый день носить в город корзину с цветами. Это не понравилось ослу. „И зачем это людям цветы нужны?“ — вздыхал осел. — „Видно, только затем, чтобы нас мучить. Ах, если бы поскорее пришло лето!“

Лето пришло. Но ослу не стало лучше. Теперь он должен был таскать в город мешки с бобами и репой и полные

корзины салата. „Нет, лето еще хуже, — вздыхал осел. — Ко всему тому еще зной нестерпимый. Ах, если бы поскорей пришла осень!“

Пришла и осень. Но осенью ноша осла не стала легче: наоборот, он должен был носить корзины с яблоками, картофелем и капустой. А часто лил холодный дождь, дорога была скользкая, то вязкая. „Эх, — вздыхал осел, — хоть бы поскорей зима приходила. Зимой ничего не растет, и я отдохну спокойно“.

Пришла, наконец, зима. Но садовник погнал осла в лес. Там в снежную метель должен был осел дожидаться, пока на него навьючивали связку дров. Эту тяжелую ношу потащил осел в город. Дорогой, если приходилось поскользнуться на гладком снегу, хозяин подгонял осла еще хворостиной. Тут-то вспомнил осел весну и пожелал поскорей опять носить цветы и есть свежую зеленую траву.

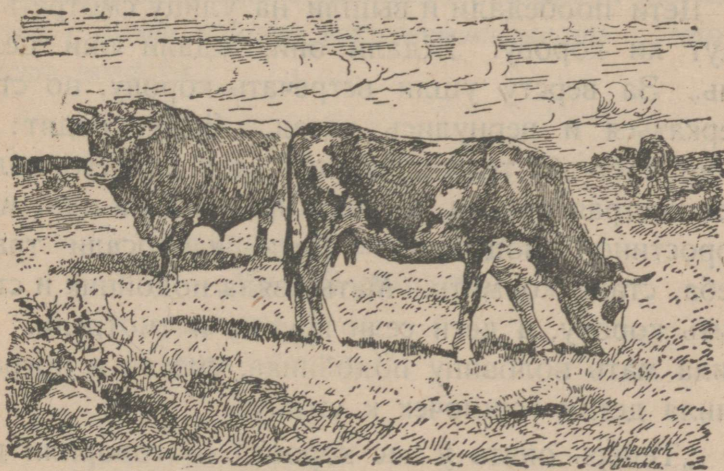
Корова.

Жила вдова Марья со своею матерью и с шестью детьми. Жили они бедно. Но купили на последние деньги бурую корову, чтоб было молоко для детей. Старшие дети кормили Буренушку в поле и давали ей помой дома.

Один раз мать вышла со двора, а старший мальчик Миша полез за хлебом на полку, уронил стакан и разбил его. Миша испугался, что мать его будет бранить, подобрал большие стекла от стакана, вынес на двор и зарыл в навозе, а маленькие стеклышки, все подобрал и бросил в лаханку. Мать

хватилась стакана, стала спрашивать, но Миша не сказал, и так дело осталось.

На другой день после обеда пошла мать давать Буренушке помой из лоханки, видит: Буренушка скучна и не ест корма. Стали лечить корову, позвали бабку. Бабка сказала: корова жива не будет, надо ее убить на мясо. Дети услыхали, как на дворе заревела Буренушка, собрались все на печку и стали плакать.

Когда убили корову, то у ней в горле нашли стекло. И узнали, что она издохла от того, что ей попало стекло в помоях. Миша признался матери о стакане и стал горько плакать. Мать сказала: „Убили мы свою Буренушку, купить теперь не на что. Как мы проживем теперь без молока?“ С тех пор у детей молока не было. Только по праздникам бывало молоко, когда мать попросит у соседей горшочек.

Однажды бабка и говорит матери: „Отпусти меня, я пойду в няни, а ты можешь с детьми одна управиться? А я заслужу в год на корову.“ Так и сделали. Старуха ушла, а Марье еще тяжелее с детьми стало. Дети жили без молока: один кисель да тюрю ели и стали худые и бледные.

Через год пришла старуха домой и принесла деньги. „Ну, дочка, — говорит она, — теперь купим корову“. Собралась Марья со старухой в город покупать корову.

Дети пообедали и вышли на улицу смотреть, не ведут ли корову. Ждали они, ждали они целый день. За версту ушли встречать корову, но стало смеркаться и вернулись назад. Вдруг видят: по улице едет на телеге бабушка, а у заднего колеса идет пестрая корова, за рога привязана и идет мать, хворостинкой подгоняет. Дети набросали травы, хлеба, стали кормить. Мать взяла подойник и стала доить корову, а дети сели кругом и смотрели. Надоила мать половину подойника, снесла в погреб и отлила детям горшочек к ужину.

„Теперь опять у нас корова“ — говорили дети радостно на деревне.

Загадка. Четыре четыреки, две растопырки, одно помело.

Жвачка.

Лежит корова посреди двора, корму около нее нет, а она все что-то жует да жует.

— Что это она ест? — спрашивает Миша.

— Жвачку, — говорит мама.

— Какую жвачку? —

— А вот какую: у коровы во рту зубов немного, а верхних и совсем нет, а потому она сразу и не может хорошо пережевывать свой корм. А корму ей нужно немало; она хватает его как можно скорей и проглатывает, чтобы набить свой желудок. Когда корм в желудке распарится и размякнет, корова лежа спокойно отрынет его назад в рот и снова начнет уже пережевывать. Это-то и есть жвачка.

*

Пришла во двор корова:

— „Му! Я здорова,
раздуты бока, —
кому молока?“

Теленок.

У калитки, на дворе
широко расставив ноги
наш теленок стоял,
громко, жалобно мычал.

Я к нему: „О чем ты плачешь?

„что по травушке не скачешь?

„что ты, телинька, реवेशь?

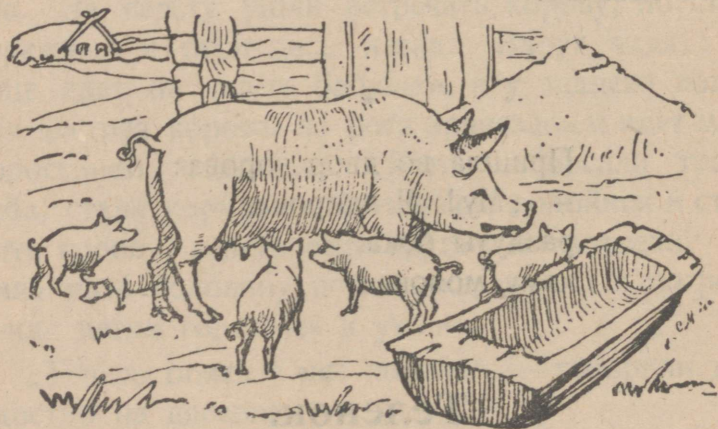
„иль кого-нибудь зовешь?“

Вдруг теленок-забияка,
лоб склонивши, лезет в драку.
Мчится прямо на меня:
„Забодаю, мол, тебя!“

Хоть рогов еще не видно,
А — подумайте — обидно!

Свинушка.

Лежит хавроньюшка среди грязного хлева и
научает своих деток-поросят уму-разуму: „Теперь

я вас молочком пою, а подрастете, рылом землю
ройте; все, что попадет под рыло, ешьте: мышь,
так мышь, траву так траву. Мясо, хлеб, мука, жо-
лудь — все в пищу годится. Каждый день зале-
зайте в грязь по самые уши, и подольше лежите
там. Чистой воды тоже не бойтесь, хорошая свинья
должна уметь плавать, собак кусайте, да и детям
спуску не давайте.

Пройдете мимо угла — почешитесь“. Слушают поросята мать и все запоминают, что она им говорит.

Загадка. По земле ходит, неба не видит, ничего не болит, а все стонет.

Хрюшка.

— „Хавронья Петровна! Как ваше здоровье?“

— Одышка и малокровье . . .

„В самом деле?“

А вы бы побольше ели . . .“

— Хрю-хрю! Нет аппетита

еле доела шестое корыто:

ведро помой,

решето с шелухой,

пуд вареной картошки,

миску крошки,

полсотни гнилых огурцов,

остатки рубцов,

горшок вчерашней каши

и жбан простокваши . . .

— „Бедняжка!

Как вам должно быть тяжело . . .

Обратитесь к доктору Фан-дер-Флиту,

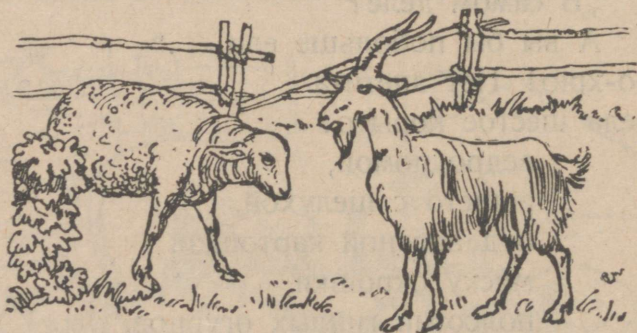
чтоб прописал вам капли для аппетита.“

Живи своим умом.

Повадился козел в огород ходить. Бывало, как только пастухи выгонят стадо, то Васька мой

сперва, как добрый, идет и головой помахивает, а как только подпаски засядут иде-нибудь в овражке играть в камешки, он и отправляется прямо в капусту. Раз и пошел он тем же путем: идет себе да пофыркивает, бородой поматывает, будто за делом идет.

В это время отбилась от стада овца, зашла в чащу, в крапиву да в лопушник. Стоит, сердечная, да оглядывается, кричит благим матом: не найдется ли кто-нибудь, чтоб вывел ее из беды. Вдруг увидала она козла, обрадовалась, как родному брату.

„Пойду за ним, — думает, — этот выведет; у нас такой же бородач впереди стада ходит“.

И пошла овца за козлом. Он через овраг — и она через овраг; козел через тын, — овца через тын; козел через прясло, — овца через прясло, да и попали вместе на огород. Овца пошла прыгать по грядкам.

На этот раз огородник задумал взлянуть на капусту свою и увидел незваных гостей. Схватил предлинную хворостину и пустился со всех ног уюстить ею гостей. Козел, как попроворнее, опять успел выскочить из огорода через плетень, мелькнул

— и был таков. А бедная овца замялась, замоталась, стала кидаться во все стороны, да и попалась. Не пожалел огородник хворостины на угощение овцы: она не своим голосом стала кричать. Выныл он ее за калитку да еще раз на дорожку вытянул по спине хворостинкой.

Пришла домой овца и плачется на козла: „Этакий озорник, обидчик! Завел меня, да и покинул: и за весь грех одна моя спина поплатилась!“

А козел говорит: „А кто тебе велел за мной бегать? Я пошел сам в свою голову, так сам за себя и отвечаю; коли мужик мне бока отомнет, не стану плакаться ни на кого: ни на хозяина, зачем дома не кормит, ни на пастуха, что за мною не смотрел. Буду терпеть и молчать, коли попадусь и только. А тебя зачем нелегкая понесла за мною? Я тебя не звал.“

Загадка. Кто родился с бороною?

Добрый совет.

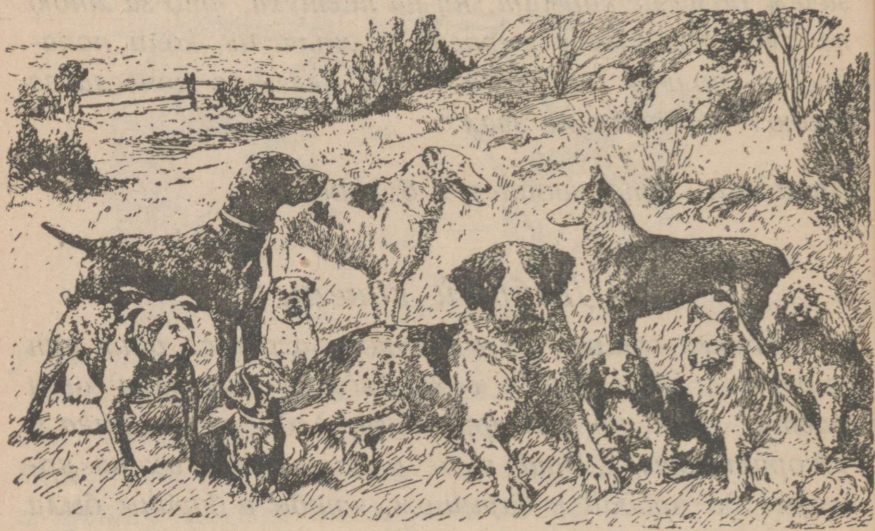
Помер старик со старухою, остался один сын сирота. Взял его к себе дядя и заставил овец пасти. Как то раз призывает дядя племянника и говорит ему: „Вот тебе бараны, иони их на ярмарку да продай с барышом, чтобы и бараны были целы и деньги выручены“. Что тут делать! Заплакал парень и погнал баранов в поле; выныл, сел на дороге и задумался о своем горе. Идет мимо девушка: „О чем слезы льешь, добрый молодец?“ — „Как же мне не плакать? Нет у меня ни отца, ни матери; один дядя и тот обижает!“ — „Ка-

кую же обиду он тебе сделал?" — „Да вот, послал на ярмарку, велел баранами торговать, да так, чтобы и бараны были целы, и деньги сполна выручены". — „Ну, это хитрость небольшая", — сказала девица.

„Найми-ка ты баб да остриги баранов, а шерсть отнеси на ярмарку и продай: вот у тебя и бараны целы и деньги будут".

Обрадовался парень наш и поблагодарил девушку за добрый совет.

Загадка. По горам, по долам ходит шуба да кафтан.

Верный друг.

Товарищ игр в часы досуга
и верный сторож в поздний час,
собака часто любит нас
сердечней преданного друга.

Преданная собака.

У одного мужика была собака. Под старость она стала плохо стеречь хозяйское добро, и мужик решил ее утопить. Он взял большой камень, позвал собаку и пошел к реке. Там он сел в лодку, отплыл на глубокое место, привязал камень собаке на шею и столкнул ее в воду. Но камень как то отвязался, и собака поплыла за лодкой. Тогда мужик замахнулся на нее веслом, но оступился и упал в воду. На беду он не умел плавать и стал тонуть. Тогда собака бросилась к нему и схватила его за рубашку. Выбиваясь из сил, она поддерживала своего хозяина на воде...

На берегу работал народ и заметил, что кто-то тонет. Многие побежали на помощь и спасли мужика. Он понес собаку к себе в избу и с тех пор он с собакой не расставался..

Кот Васька.

Ходит Васька беленький,
хвост у Васьки серенький,
а бежит — стрела.

Глазки закрываются,
когти расправляются,
зубы — как игла.

Поступь еле слышная,
шерсть у Васьки пышная,
мягкая, как лен.

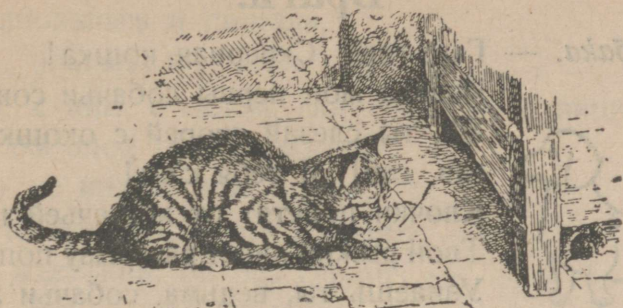
Мышки не резвитесь.
Тише... берегитесь!
В миг поймают он.

Пословица. Кошке игрушки, а мышке слезки.

Про кота.

Раньше всех поднялся кот,
поднял рижий хвост столбом,
спину выпятил горбом
и во вес кошачий рот
как зевнет!

„Мур! умыться бы не грех!“
Вместо мыла — язычок,
и давай лизать свой мех!
Просто смех!

Как кот мышку поймал.

Жили-были мышки,
серые пальтишки.

Жил еще кот,
бархатный живот.

Пошел кот к чулану
полизать сметану,
да чулан на задвижке,
а в чулане мышки...

Сидит кот перед дверцей,
колотится сердце, —
войти нельзя!

Побежали мышки
Да к коту плутишке...

Высунули лапки...

А кот цап!...

Со всех лап...

Вытащил за лапки,
сгреб в охапку
и в рот!

Враги.

Собака. — Гав, гав! Скверная кошка!
Извела мои нервы собачьи совсем...
Эй, ты слезай скорей с окошка,
гав, гав! Я тебя с'ем!
Клочки полетят от кошачьей шубы!
Твой рыжий хвост разгрызу пополам!!
Узнаешь ты, ведьма, собачьи зубы!
Гав, гав! Я тебе дам!

Кошка. — Фыр, фыр! Попрыгай-ка, шавка!
Будешь сегодня без носа и глаз...
Глупая злюка! Невежа! Шершавка!
Ну-ка, попробуй, — залай еще раз...
Брысь! Мои когти, как острая бритва...
Я тебя трогаю? Экий балбес!
Лаешь? Ну ладно, — битва так
битва...
Только прицелюсь — взвизгнешь,
как бес!

Горе мышки.

Ах, как вкусно пахло сало!
В животе моем бурчало —
есть хотелось страсть.
Я ужасно волновалась
и на цыпочках прокралась
мышеловке в пасть...

Только носом потянула,
языком чуть чуть лизнула
хлопс — и я в тюрьме!

Позабыла я про сало, —
 волновалась и пищала,
 плакала во тьме.
 Бог с ним, с салом, Бог с ней — с пищей,
 утром злой придет котище, —
 не видать мне дня!
 Чуть откроют только дверцу, —
 он жестокий, он без сердца, —
 гам — и с'ест меня...
 Ах, несчастье! Ах, злодейство!
 Ах, любимое семейство,
 шестеро мышат...
 Я стою на задних лапках,
 нос от прутьев весь в царапках —
 нет пути назад!..

Полевая мышь.

Я живу под землей, в темной норке.
 Шубка серая, крошечный рост.
 Глазки, черные бусинки, зорки

и веревочкой тоненький хвост.
 Меж стеблями колосьев спелых
 я опавшие зерна ищу,
 и в зубах своих остреньких, белых
 колос срезанный в норку тащу.
 Я боюсь долгоносой вороны,
 желтоглазой совы и хорьков,
 голодаю весною студеной,
 зябну в сырости талых снегов.

Загадка. Не велик зверек, да зубок остер.

Еж богатырь.

Теленок увидал ежа и говорит: „Я тебя с'ем!“
 А еж свернулся клубком и фыркнул в ответ: „Попробуй!“

Глупый теленок задрал хвост, запрыгал, сначала боднуть хотел, а потом растопырил передние ноги и лизнул ежа.

— Ой, ой, ой! — заревел теленок и побежал к матери жаловаться.

Но корова поглядела задумчиво на свое детище и опять принялась жевать. А еж покатился к себе в темную норку и сказал ежихе: „Я огромного зверя победил, — должно быть, льва!“ Ежиха рассказала про то соседкам. С тех пор и пошла гулять по всему свету слава про ежову храбрость.

Домашние птицы.

Куры.

Пять курочек, пять дурочек
и Петя-петушок

стараются, копаются —

— найдется-ль червячек?

А выйдет Поля с зернами —

сейчас за ней бегут,

кидаются, толкаются —

все зернышки склюют.

Потом уходит курочка

под старое крыльцо:

„Куда, куда? Сюда, сюда!

Вот здесь лежит яйцо!“

Загадка. Катится бочка, а на ней ни сучочка.

Петушок.

Ходит Петенька бочком, хвост у Петеньки крючком. Песни напевает, зернышки собирает; ко-ко-ко, мохнатые, ко-ко-ко, хохлатые! Поскорей собирайтесь, только не толкайтесь. Я хоть песни напевал, но и зернышки собирал, разные скорлупки... кушайте, голубки! Чур, не драться! Вот я вас! Ты чего клюешь ей глаз? Я тебя, Рябушка! Ну, постой, Пеструшка! И, поднявши гребешок, разгоняет петушок курочек сварливых, пестрых, суетливых. Разнял их, пошел бочком, хвостик вывернул крючком, снова напевает, зернышки собирает.

Загадка. Дважды родится, а раз помирать приходится.

Умный петушок.

Повадился хорек кур и цыплят таскать; никак за ним не уследить! Петух позвал Барбоса и сказал:

— Я выслежу хорька. А ты, как я крикну, иди сюда, ко мне бросайся.

Узнал хорек, что петух кур и цыплят своих сторожит и в обиду их не дает, и думает:

„Надо умаслить петуха. Я тоже не дурак!“

Вечером вылез хорек и говорит петуху:

— Господин петух, Петр Иванович, я сегодня именинник. Жена напекла, наварила всякой всячины. Заходите ко мне на часок посидеть, да кур, цыплят приводите.

— Хорошо! отвечает петух. — А дядю мне своего можно с собою взять?

Хорек подумал, что это другой петух и сказал:

— Да, милости просим.

Петух и закричал:

— Ку-ка-ре-ку!

Прибежал Барбос, схватил хорька и ну его трепать. Насилу тот вырвался.

С тех пор полно кур и цыплят таскать.

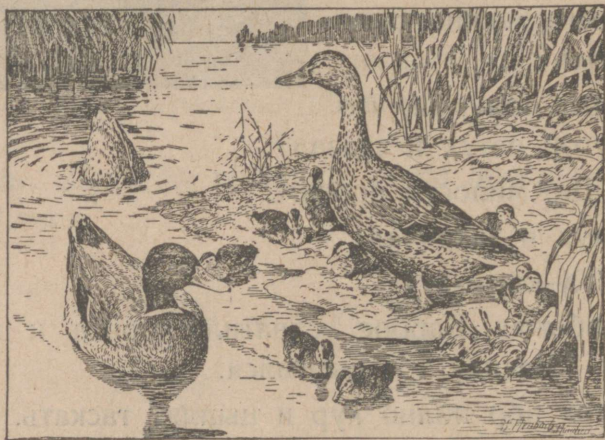
Уточка.

Высидела утка детенышей. Все желтенькие, носики у них плоские, хвостики крошечные, лапочки перепончатые. Вышли из яиц утеночки, под крылом матери обогрелись, пушок порасправили, в пруд за матерью пустились.

Учит их старая утка водяных жучков ловить, мелкую рыбку хватать, вниз головой нырять. Детки

понятливые, догадливые, по пруду плывут не шелохнутся, увидят жучка в воде, кувыркнутся, только лапки торчат, да хвостики пошевеливаются. Старая утица их похваливает, „так, так, так, так“ покрикивает.

Понапились утятки, понаелися, крылышки их маленькие поустали, лапочки перепончатые заходили. Плывет к ним батюшка их селезень, крылышки у него расписные, головка с хохолком, пе-

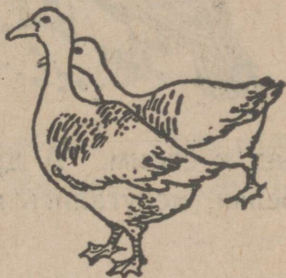

рышки на шейке цветистые. Плавно плывет, голосом тихим деток с собой зовет: „Пойдемте, детки, перышки на солнышке посушить, лапочки погреть, сладкую земляничку поглотать, зеленую травку пощипать.“

Вышел на берег селезень, отряхивается, важно по лугу выступает, зорко всюду поглядывает; за ним серая утица утят ведет, с лапки на лапку переваливается, с утятками перекликается и все говорит им: „так, так, так, так!“

Переполох.

Говорит Таня брату: — Коля, посмотри у нас под окном ходит гусыня с гусятами. Гусятки хорошенькие, желтенькие. Хорошо бы нам поймать одного гусенка и принести домой“. Коля согласился. Дети вышли на двор и отправились к гусиному стаду. Гуси загоготали, а гусыня вытянула шею, зашипела и бросилась на детей. — „Ай, ай,“ — закричал испуганный Коля, а Таня схватила самого маленького гусенка в фартук и побежала на крыльцо. Батюшки! Какой гвалт подняли птицы: загоготали, зашипели, а гусыня-мать побежала за Таней на крыльцо. Таня в комнату, а гусь за ней и все шипит и шипит, того и гляди схватит за ноги. Испугалась Таня, заплакала, бросила гусенка на пол, а сама забралась на стол. Гусыне только того и нужно было. Она начала детеныша крылом и клювом подгонять к выходу. Увидала мать Тани, взяла гусенка и вынесла его на двор, а гусыня за ней вперевалку побежала. После этого гуси на дворе еще долго гоготали, как будто судили и рядили о случившемся.

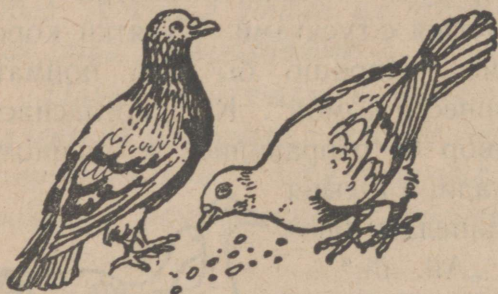

Галка и голуби.

У Сережи была голубятня, где он держал голубей. Каждый день Сережа носил им корм, выпускал их на волю.

Увидала галка, что голубей хорошо кормят,

выбелилась и влетела в голубятню. Голуби подумали, что она такой же голубь и пустили ее. По-

клевала галка зерен, попила водички и от радости, как закаркает по-галочьи. Тогда голуби узнали ее и начали клевать. Что делать галке?

Полетела она назад к своим. А другие галки увидели ее, что она белая, испугались и тоже прогнали.

Язык животных.

Один раз Вася спросил у дедушки: „Отчего же животные не говорят? Ведь у них есть и язык и голос, как у нас?“

На это дед ответил: „Животные не говорят по нашему, словами, но они все таки разговаривают между собой, когда им нужно. Послушай, как курица зовет цыплят и они ее слушают. А надо курице сказать цыплятам, что летит ястреб, она кричит по-другому. Цыплята понимают и прячутся. Петух тоже — найдет зернышко и зовет кур. Все они к нему сбегаются. Вот их и разговор.“

„Лошадь заржет, когда увидит знакомых лошадей и те отвечают ей.“

„И собака на разные лады дает понять, чего ей надо. Когда играет с другими собаками, она визжит

и весело лает; когда зачует врага, она сердито ворчит, и другие собаки понимают, что это значит.“

— „И волк и медведь разговаривают?“ спросил Вася.

— „Все животные умеют говорить между собою“, отвечал дедушка, „только они говорят по своему.“

Разговор.

Летит жук да шумит: „убью!“ Гусь спрашивает: „кого?“ Теленок говорит: „меня!“
А уточка: „так-так-так!“

Так надо брать животных.

Зимой.

Первый снег.

Еще вчера моросил холодный дождь. Ветер сердито шумел, качая голые ветки деревьев. Было сыро, хмуро.

Вдруг в одну ночь все переменялось. Белый пушистый снег ровным слоем покрыл и двор, и крышу, и конуру Жучки, а за двором — поле и дорогу. Сивка уже стоит у ворот, запряженный в дровни, а кот Васька бежит из кухни, отряхивая лапки. „Мяу!“

— Зима, зима! — кричали дети, хлопая в ладоши, проворно оделись, и скорее на двор. Костя стал ладить салазки; Митя схватил коньки и к речке побежал, а она темная и синяя еще течет среди белых берегов.

Загадка. На дворе торой, а в избе водой.

Наступление зимы.

Белый снег пушистый	Темный лес, что шапкой,
в воздухе кружится	принакрылся чудной —
и на землю тихо	и заснул под нею
падает, ложится.	крепко, непробудно...
И под утро снегом	Дни стали коротки,
поле забелело,	солнце светит мало,
точно пеленою	вот пришли морозы, —
все его одело.	и зима настала.

Дедушка-мороз.

Разгулялся дед-мороз, —
 рад, что в садик вышли внуки,
 и целует в лоб и в нос,
 жмет пожатым крепким руки,
 треплет щечки до красна;
 приготовил всем игрушки.
 елка пышно убрана
 от земли и до верхушки.
 Там прозрачные сосульки,
 и хрустальные висюльки,
 и алмазы светлых звезд...
 Сотни шариков блестящих,
 пестрой радугой сквозящих,
 и всего не перечесть!

Побежим домой скорее:
 дед целует горячее
 в губки, в щечки, в нос и в лоб...
 По спине бежит озноб,
 больно пальчики горят.

Дома печку затопили
и про слезки позабыли;
в утешенье дед-мороз
диво новое принес.
Посмотрите: на оконце
что за чудные цветы
и узорные листы
он рисует в блеске солнца!

Вот спасибо, милый дед!

Проказы старухи зимы.

Разозлилась зима-старуха и задумала всех со света сжить. Прежде всего стала она до птиц добираться: надоели они ей своим криком и писком.

Подула зима холодом и посорвала листья с лесов и с дубрав. Некуда птицам деваться; стали они стайками собираться, думушку думать. И полетели за высокие горы, за синие моря, в теплые страны.

Видит зима, что птиц ей не догнать, накинулась на зверей. Запорошила снегом поля, завалила су-гробами леса и посылает мороз за морозом. Идут морозы, с елки на елку перепрыгивают да пощелкивают. Но не испугались звери: одни отростили себе теплые шубы, другие в глубокие норы запрятались; белка в дупло, медведь в берлогу; а зайныка, прыгаючи греется; лошади, коровы и овечки в крытых хлевах готовое сено жуют, теплое пойло пьют.

Пуще злится зима — до рыб добирается. Морозцы бойко бегут, словно молоточками постукивают: без пилы, без топора по рекам, по озерам мосты строят. Замерзли реки и озера, да только сверху, а

рыба вся вглубь ушла, под ледяной кровлей ей еще теплой.

„Ну, постой-же, — думает зима, — дойму я людей!“ И шлет мороз за мозором, один другого лютее. Потрескивают стены изб, заволоклись узорами окна, а люди топят себе печи да над морозцами посмеиваются. По дорогам, словно на зло зиме, обозы потянулись, от лошадей только пар валит, извозчики ногами потопывают, морозца похваляют.

Но обиднее всего было зиме, что даже малые ребята, и те ее не боятся. Горы строят, водой поливают, да еще мороз кличут: „поди-ка пособить!“

Видит зима, что ничем ей не взять, — заплакала со злости, и закапали со стрех зимние слезы.

Снежинки — снежинки,
седые пушинки
летят и летят!
И дворик и сад
белее сметаны,
под крышей висят
прозрачные льдинки...

А ветер колючий
сгребает сугроб, —
бросает снежками...

Над пухлым забором
несется прыжками
и белым узором
заносит мохнатые окна и дверь
и воет, как зверь!

*Загадка. Я, как песчинка, мал, а землю покрываю,
я из воды, а с воздуха летаю; как пух лежу
я на полях и как алмаз блещу при солнечных
лучах. Кто я?*

Одеяльце.

Для чего, мама, снег зимой идет?
„Из него природа одеяльце ткёт!“
Одеяльце, мама? А зачем оно?
„Без него в земле бы стало холодно!“...
А кому, мамаша, в ней тепла искать?
„Тем, кому придется зиму зимовать:
семенам-малюткам, зернышкам хлебов,
корешкам былинки, злаков и цветов!...“

*Загадка. Зимой греет, весной тлеет, летом умирает,
осенью оживает.*

Сани.

Сломались у мужика сани. „Ну, — сказал он бабе, — сделаю я теперь себе сани большие — пре-большие. Стал он в избе делать сани. „Смотри, баба, хорошо ли я делаю сани?“

Посмотрела баба и говорит: „Так то так, да вон то как?“ Ничего не понял мужик, о чем говорит баба. Делает он сани боль-

шие-пребольшие. „Ну, теперь гляди баба, так ли выходят сани?“ Посмотрела баба, снова сказала:

„Так то так, да вон то как?“ — Эх, ты, баба, — говорит мужик, — много ты понимаешь. Делает он сани, сделал большие-пребольшие. Стал их мужик из избы вывозить, а они в дверь и не выходят. Понял тут мужик, о чем говорила баба: „Так-то так, да вон то как“. Спohватился, да поздно.

Пословица. Не учась и лапти не сплетешь.

Зима и мужик.

Зима, птица-белокрыла, с ледяного насеста снимается к мужику в гости собирается: „Ну-ка, я зимазимская, на земле погощу, мужика навещу!“ А мужик то уже гостью дожидает: готовит тулуп, да дров припасает.

Теплая одежда.

У Антоши был овчинный тулупчик. Он носил его уже две зимы, и в нем тепло ему было. Но на третью зиму тулупчик стал протираться. Один раз

Антоша пришел из школы сильно озябшим. Посмотрела мать на тулупчик и сказала: „Чинить надо, спинка стала дырява“.

А Антоша и говорит:

— Отчего это не делают одежду железной? Вот бы долго носилась!

Мать усмехнулась и сказала:

— Железо, хоть крепко, да не греет. А посмотри на овечек: шубка у них мягкая, густая, и им холод не страшен. И для человека самая лучшая защита от холода — шерсть.

Детские игры.

Миша, Ваня, Сеня!

С самого утра
все то вы за книж-

кой

погулять пора!

И с веселым кри-
ком

на широкий двор
высыпали детки,
вот где им простор!
Прыгают и вязнут
по колени в снег,
борются. Свалились
слышен громкий смех.
„Эй, живее, Федя!
к нам сюда ступай
мы в снежки играем,
метче попадай!“

В полах снег таскают.
Кто бежит, кто бьет,
жарко, даже пронял
на морозе пот.
А вчера не даром
Миша работал.
Он с друзьями гору

строил и топтал.
 Полили с зарею.
 Славный был мороз!...
 Вот, кто мог, салазок
 нынче и навез. —
 „Эй, поди с дороги!
 Катим, подшибем!“
 Глядь: в снегу завязли,
 севши вчетвером,
 крик и хохот пуще...
 Лишь один стоит
 Степушка в сторонке,
 худенький на вид.
 Шубка вся в заплатках.
 Больно уж смирен.
 К деткам не пристанет:

видно, беден он.
 Вдруг к нему подходит
 Миша удалой „Что-ж ты?“
 И обнял Степу он рукой...
 „Братцы! Степу все мы
 будемте катать!
 Вишь, не мог салазок
 он себе достать“.
 И раздались крики:
 „Степа, к нам живей!“
 „Нет, со мною, Степа!
 у меня ходчей!..“
 Снова скрип салазок.
 Снова говор, смех;
 Степа с Мишей были
 веселее всех.

Снежная баба.

Воробыи в кустах дерутся.
 Светит солнце, снег, как пух.
 В васильковом небе выются
 хороводы снежных мух.
 Гриша — дома, у окошка.
 Скучно в комнате играть!
 Даже, вон, — лентяйка кошка
 с печки в сад ушла гулять.
 Мама гладит в кухне юбку...
 „Гриша, Гриша, — ты куда?“
 Влез он в валенки и в шубку,
 Шапку в руки и айда!

Руки в теплых рукавчиках,
Под лопатой снег пищит...
Снег на лбу и на ресничках,
снег щекочет, снег смешит...
Вырос снег копной мохнатой,
Гриша бегаёт кругом,
то бока побьет лопатой,
то, пыхтя, катает ком...
Фу, устал. Еще немножко!
Брови — два пучка овса,
глазки — угли, нос — картошка,
а из елки — волоса.
Вот так Баба! Восхищенье
Гриша пляшет. „Ай-да-да!“
Воробьи от удивленья
разлетелись, кто куда.

На коньках.

Мчусь, как ветер, на коньках
вдоль лесной опушки...

Рукавицы на руках,
шапка на макушке...

Раз-два! Вот и поскользнулся...

Раз-два! Чуть не кувырнулся.

Раз-два! Крепче на носках!

*

Захрустел, закрикал лед,
ветер дует справа.

Елки-волки! Полный ход, —
из пруда в канаву...

Раз-два! По скользкой дорожке...

Раз-два! Веселые ножки...

Раз-два! Вперед и вперед...

Как на базар ездили.

Как наш дедка Елизар
собирался на базар.

Просит бабушка Варвара:

„Провези-ка до базара!“

Села с бабкой внучка Маша,

Паша, Саша да Параша.

Едут, едут сквозь село, —
избы снегом занесло.

Повернули за овин, —
завалило снегом тын:

Бабка дедке: „Правь левой!“

„Не скатиться бы с саней!“

„Ты бы слез бы да провел, —
 „вишь ты, ветер как намел!“ —
 Раскатились дровни: хлоп,
 перекинулись в сугроб!...
 Дедка, бабка, внучка Маша,
 Паша, Саша да Параша
 покатились кувырком,
 раскатились все кругом.
 Поднимались — отряхались,
 в дровни сызнова сажались...

Метель.

В чистом поле гудёт, завывает, несется метелица, белым снежным столбом по дороге идет, по следам расстилается, стелется...

— Эх, заехал в сугроб. Видно здесь ночевать. Ну, Савраска, потрогивай, маленький! Вовсе сбились с тобой; захотелось спать; понабилося снегу за валенки. Что там? Словно-ка где колокольчик звенит, огоньки там, что ль, зажигаются... Не хозяйка ли ждет, дожидается?... Ну, Савраска, дружнее навалимся. Огоньки уже ясней. Наконец-то до дому дотянемся.

Елочка.

В лесу родилась елочка,
в лесу она росла,
зимой и летом стройною,
зеленою была.

Метель ей пела песенки:

„Спи, елка, баю-бай!“

Мороз снежком укутывал:

„Смотри, не замерзай“.

Трусишка, зайка серенький,

под елочкой скакал,

порою волк, сердитый волк
рысцою пробегал.

Чу! снег по лесу чистому

под полозом скрипит,

лошадка мохноногая

торопится бежит.

Везет лошадка дровенки,

а в дровнях мужичок,

срубил он нашу елочку

под самый корешок.

Елка.

Темной ночью огонек светится в светелке. Слышен топот детских ног. Хорошо на елке?

По скрипучим
ступеням побегим
мы с вами и по-
смотрим — как-то
там пляшут за
дверями.

Звонко шопот
детских ног, весел
час свободы! Взяв-
шись за руки в кру-
жок, водят дети
хороводы. Песню

грянули потом в беззаботном хоре. И горит, горит
огнем елка вся в уборе.

Христославы.

Под покровом ночи звездной
 дремлет русское село;
 всю дорогу, все тропинки
 белым снегом замело...
 Кое-где огни по окнам
 словно звездочки горят.
 На огонь бежит сугробом
 со звездой толпа ребят;
 под оконцами стучатся
 „Рождество твое“ поют.
 „Христославы! Христославы!“
 раздается там и тут.
 И в нестройном детском хоре
 так таинственна, чиста,
 так отрадна весть святая
 о рождении Христа...

Рождество.

Накануне Рождества, в сочельник, я всем рассказывал, как завтра пойду славить к крестной. Целый день я пел и всем надоел. А бабушка научила меня говорить рацею:

„Маленький хлопик
 принес Христу снопик,
 Христа величают,
 а вас с праздником поздравляют.
 Отпирайте сундучки,
 вынимайте пяточки,
 вам на потешки,
 а нам на прянички да на орешки“.

На другой день после обедни я пошел к крестной. Вошел я в комнату, встал в угол. У крестной были гости. Все ждали, когда я начну. А я застыдился, голову опустил и молчу. Все ждут, а я уже хотел заплакать. Тогда крестная говорит: „Ну, завтра прославишь. Иди пирог есть“. Дома я ничего не сказал.

Время.

Новый Год.

Солнце в окна заблестело
и вставать скорей велело:
детки, Новый Год
по двору идет!

Он идет в снегу пушистом
весь в уборе серебристом,
саночки несет
на гору зовет.

Васька всех в дверях встречает
с Новым Годом поздравляет;
спину выгнул кот,
песенку поет:

„Нынче надо постараться,
чтоб не ссориться, не драться,
и тогда весь год
хорошо пройдет“.

Круглый год.

В **январе** — мороз трескучий
и валился снег сыпучий.

В **феврале** у нас в оконце
засверкало ярче солнце.

В **марте** лед с реки возили
и сосульки слезы лили.

Стаял рыхлый снег в **апреле**
и в лазури птички пели.

В **мае**, прыгая на воле,
мы цветы собирали въ поле.

Пронеслись в **июне** грозы,
ветру кланялись березы.

И к земле колосья гнули
нивы желтые в **июле**.

Цепы в **августе** стучали,
дети яблони качали.

На пустынные поляны
в **сентябре** ползли туманы.

В **октябре** лишь ветер веял,
точно в сито дождик сеял.

В **ноябре** от снега бела
под полозьями скрипело.

В **декабре** мороз сердился,
серый дым по крышам вился.

Когда лучше?

Зимой всего веселей:

сесть к печке у красных углей,
лепешек горячих поесть,

в сугроб с голенищами влезть,
весь пруд на коньках обежать
и бухнуться сразу в кровать.

Весною всего веселей:

кричать средь зеленых полей,
с Барбоской сидеть на холме
и думать о белой зиме,
пушистые вербы ломать
и в озеро камни бросать.

А летом всего веселей:

вишневый обкусывать клей,
купаясь, всплывать на волну,
гнать белку с сосны на сосну,
костры разжигать у реки
и в поле срывать васильки...

Но *осень* еще веселей!

То сливы сбиваешь с ветвей,
то рвешь в огороде горох,
то взроешь рогатиной мох...
Стучит молотилка вдали —
и рож на возах до земли...

Четыре времени года.

За зимой идет,
весна красная,
за весной спешит
лето знойное,
а во след за ним
осень бурная,

а за осенью
снова зимушка.
И по своему
наделяют нас
и работами
и весельями.

Часы.

Мальчик. Нельзя ли, часики, сказать,
мне очень любопытно знать,
какой зверек в вас там сидит,
и все тик-так, тик-так твердит?

Часы. Тебе откроюсь, мой дружок,
что мы — машинка, не зверек.
Часы придумал в давний век
какой то умный человек,
и нам велел всем повторять:
„Не надо времени терять“.

Загадка. Стучит, бренчит, ходит вес век, а не человек.

Труд и отдых.

„Сколько дней в недели?“

— Семь вы отвечали.

— Верно. Шесть дней, дети,

и в домах и в хатах

бедных и богатых, —

все должны трудиться:

взрослые работать,

дети-же — учиться.

А седьмой день — праздник

каждый отдыхает,

да молитве тихой

время посвящает“.

Загадка. Есть семь братьев: годами равные, а именами разные.

Ленивая хозяйка.

В **понедельник** я банюшку топила, во **вторник** в банюшку ходила, в **среду** в угаре пролежала, в **четверг** головушку чесала, в **пятницу** добры люди не пряли, в **субботу** родителей поминали, в **воскресенье** я на улице прогуляла. Милая моя, так прошла неделя вся!

Утро.

Выплыло на небо красное солнышко и стало рассылать по всюду свои золотые лучи — будить землю.

Первый луч полетел и попал на зайчика. Передернул ушами зайчик и весело запрыгал по белому снегу; побежал добывать себе что-нибудь на завтрак.

Второй луч попал в курятник. Петух захлопал крыльями и запел: „ку-ку-ре-ку“. Куры слетели с нашествей, закудахтали, стали разгребать сор и червяков искать.

Третий луч попал в детскую, на постельку к маленькому лентяю: режет ему прямо в глаза, а он повернулся на другой бок и опять заснул.

В сумерки.

Вся деревня спит в снегу.

Ни гу-гу.

Месяц скрылся на ночлег.

Вьется снег.

Ребятишки все на льду,
на пруду.

Дружно саночки визжат —
едем в ряд!

Кто — в запряжке, кто — седок.
Ветер в бок.

Растянулся наш обоз
до берез.

Вдруг кричит передовой:
„Черти, стой!“

Стали санки, хохот смолк.
„Братцы, волк!“ . . .

Ух, как брызнули назад!
Словно град.

В рассыпную все с пруда —
кто куда.

Где же волк? Да это пес, —
наш Барбос!

Хохот, грохот, смех и толк:
„Ай да волк!“

Зимний вечер.

Солнышко уже село, на небе темно, поднялася вьюга и стучит в окно. Весь ты переязбнешь, руки не согнешь и домой тихонько, нехотя бредешь. Ветхую шубенку скинешь с плеч долой; заберешься на печь к бабушке седой. И сидишь ни слова . . . Тихо все кругом; только слышишь — воет вьюга за окном.

В уголке, согнувшись, лапти дед плетет, матушка за прялкой, молча лен прядет. Избу освещает огонек

светца; зимний вечер длится, длится без конца... И начну у бабки сказки я просить; и начнет мне бабка сказку говорить.

Ночью.

Огни погасли в доме, и все затихло в нем; в своих кроватках детки заснули сладким сном. С небес далеких кротко глядит на них луна; вся комната сияньем ее озарена. Глядят из сада ветки берез и тополей и шепчут: „Охраняем мы тихий сон детей“.

Животные и птицы зимой.

Как животные спасаются от холода.

Плохо человеку зимой, плохо и дикому зверю и вольной птице и крошечному насекомому — холодно, голодно.

Птицы спасаются от голода и холода тем, что улетают в теплые страны. Остаются с нами зимовать вороны, сороки, галки, воробьи...

Дикие звери хоть и не бегут от нашей суровой зимы, но от холода залезают в берлоги, норы и дупла. Иные звери на самое холодное время засыпают, напр. еж, медведь. К весне они просыпаются голодные

исхудалые от долгого поста. Но заяц не засыпает. Самая лютая стужа не мешает ему попрыгивать по снегу. Белка сберегает себе с осени хороший запас орехов в дупле дерева, и зимой грызет их в своем гнезде.

Летучия мыши забираются куда-нибудь на чердаки, в подвалы и висят там вниз головой. Спят зимой и змеи, и лягушки, и ящерицы. Они забираются куда-нибудь в дупло, под камни, в мох и там цепенеют. Засыпают на зиму червяки, жуки, мухи и множество всяких других животных. Когда наступают холода они все прячутся, кто куда успеет и куда может, в щели, в землю, под мох. Так они ждут целые месяцы наступления теплых дней.

Птички.

I

Только что проснулось солнышко на новый год, под старой сиренью, на пушистом снегу собралась целая толпа птичек. Собрались и судят, что им делать.

— Чуть-жив, чуть-жив,
— говорит воробей, — с голоду помираю!

— Пин, пин, таррарах,
кто голоден, тот дурак! — смеется синичка.

— Чего-же поест, чего-же поест? — спрашивают птички.

— Пойдите, — говорит синичка, — я всех вас выручу.

Порхнула она и полетела на окно — Стук, стук, стук в стекло.

II

В зимний полдень птичка-крошка

Постучала к нам в окошко.

„Отворите! пик-пик-пик!“

Тихо птичка пропичала:

„Я озябла, я устала...“

На дворе мороз велик,

я давно уж голодна;

нет здесь корму ни зерна.

Приютите ради Бога,

птичку бедную скорей

отогреться хоть немного

дайте в комнатке своей!“

Письмо воробья к человеку.

Высокохотимый человек!

Зимой нет жизни нашей хуже:

деревья голы, всюду снег

да ветер северный к тому же...

И вот просить тебя решил

через меня наш хор крылатый,

чтоб ты от трапезы богатой

нам хоть бы крохи уделил.

А мы в признательность за это

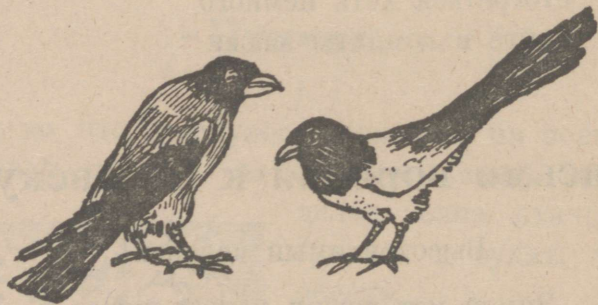
(дай только Бог дожить до лета)

ни горл, ни легких не щадя,
 потешим вволюшку тебя
 своим чириканьем и пеньем.
 Не нас — птенцов хоть пожалей!
 С глубоким искренним почтеньем
 слуга твой верный

Воробей.

Ворон и сорока.

Пестрая сорока прыгала по веткам дерева и без умолку стрекотала. Ворон сидел молча и глядел на нее.

— Что же ты молчишь, куманек? — спросила сорока. — Или ты не веришь тому, что я тебе рассказываю?

Ворон сказал:

— Плохо верю, кумушка! Кто так много болтает, тот, наверное, мало правды говорит.

Снигирь.

Сел на серенький сучок
 красногрудый снигирек.
 По сучечкам скачет ловко,
 вертит кругленькой головкой
 глазки ясные
 грудка красная.
 Ветку щиплет, ветку гнет,
 почки крепкие клюет.
 Хвостик черненький,
 клюв проворненький.

Снигирь — разборчивый жених.

Задумал снигирь жениться и стал высматривать себе невесту. Полетал, полетал да и говорит:

„Рад бы я жениться, да некого взять:
 Взял бы я синичку, — драчлива она.
 Взял бы я чечотку, — беззаботная она.
 Взял бы я галку, — сероглазая она.
 Взял бы я ворону, — долгоносая она.
 Взял бы я кукушку, — тоскливая она.
 Взял бы я сороку, — болтлива она.
 Взял бы я совищу, — пучеглазая она.
 Так и не выбрал себе невесту.

Весна наступает.

Зима и весна.

Зима встретила весну и спрашивает: — Отчего тебя, весна, люди величают, а от меня, зимы, прячутся?

— Оттого, — говорит весна, — что ты, зимушка, холодная, все то ты поморозила, в ледяную неволю заковала. А я, весна-красна, теплая, веселая, все отопрею: и поля, и леса, и горы зазеленю.

Прощай, зимушка старушка,
ты седая холодушка!

Прощай, саночки, конечки,
наши зимние дружочки!

Дедушкино угощение.

Лишь закапала капель,
как уселись семь Недель
на припеке при дороге,
все, как есть, тощи и строги.

Дедушка Великий пост
им отрезал редьки хвост.

Молвил: „кушайте, сестрицы!

А запить — достать водицы

можно в проруби реки.

Разносолы ж вот каки:

Редька триха

да ломтиха,

редька с маслом,

редька с квасом,

редька так, —

ни поел, ни натошак!

Свесив головы, сидели

пригорюнившись Недели:

знать, в ту пору редька зла

не по вкусу им была.

И под мерный звон капели,

в плаче солнечной весны,

грустно вспомнили Недели,

как на масленице ели

со сметаною блины.

Вербная суббота.

Мальчики да девочки

свечечки да вербочки

понесли домой.

Огонечки теплятся,

прохожие крестятся

и пахнет весной.

Ветерок удаленький,

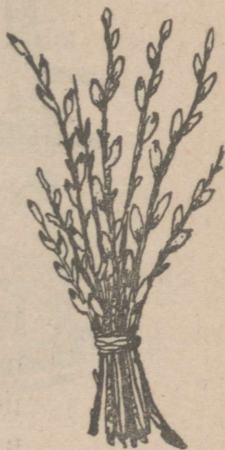
дождик, дождик маленький

не задуй огня!

В воскресенье вербное,

завтра встану первая,

для святого дня.

Наступление весны.

Над землею воздух дышит день от дня теплее;
 стали утром зорьки ярче, на небе светлее.
 Выходит солнце над землею с каждым днем все выше,
 и весь день, кружась, воркуют голуби на крыше.
 Вот и верба нарядилась в белые сережки,
 и у хат играют дети, — веселятся крошки.
 Рады солнечному свету, рады дети воле,
 и теперь их в душевной хате не удержишь боле.
 Вот и лед на речке треснул, речка зашумела
 и с себя зимы оковы сбрасывает смело.
 Берега крутые роет, разлилась широко...
 Плеск и шум воды бурливой слышен издалека.
 В небе тучка набежала, мелкий дождик сеет...
 В поле травка показалась, поле зеленеет.

Половодье.

Разлилася речка,
 пожню затопила,
 целую деревню
 в остров превратила.

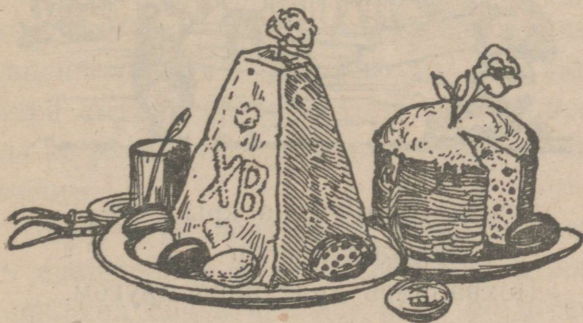
Под горой, близ пожни,
ветхие избушки
залило водою
чуть не до верхушки.

От восхода солнца
до поры вечерней
громкий говор, крики
слышатся в деревне.

Не боясь простуды,
несколько ребяток
в старых рубашонках
вылезли из хаток.

Пасха.

Вот пришел с весной-красавицей
светлый праздничек для всех:
обнимаются, целуются,
всюду радость, всюду смех!
Греет землю красно солнышко,
белый пар с земли идет,
красный звон повсюду слышится —
разливается — гудёт...

Нарядились люди добрые,
 нарядился лес густой,
 нарядились могилушки
 шелковою муравой.
 Позабылись обидушки, —
 словно не было их век!
 И с природой обновленною
 обновился человек, —
 будто злого в нем и не было...
 Хорошо бы так прожить,
 да не день, а вечность целую —
 все прощать и всех любить!

Сиротка.

День святой великой Пасхи.
 Ярко солнце светит.

Перед солнцем на крылечке
 собрались дети.
 Похваляясь друг пред другом,
 весело шумели,

что-какие кто обновки
 на себя надели:
 кто платок, кто душегрейку,
 башмачки козловы,
 а кто платье... Одна только
 стоит без обновы
 сиротиночка, — ручонки
 на груди сложила,
 на детей веселых смотрит,
 бедная, уныло...

На пасхе в деревне.

Разыгралось солнышко. В воздухе стоит гул церковного колокола. На широкой улице села гуляет толпами разодетый народ; ребятишки и подростки катают яйца, а старики разговаривают, сидя на завалинках.

— Дедушка, а дедушка! со слезами тормошит за полущубок семилетний мальчик старика, — гляди-ка, что мне Васюха сделал. — И мальчик показал разорванную рубашку.

В другое время дедушка оттащал бы Васюху за вихор, но в этот великий день он только развел руками и сказал: — Ах он озорник, озорник! Что с ним станешь делать? Вот уж мы ему зададим, — достанется ему на орехи! А ты поди, Алеха, катать яйца, да не реви! И довольный мальчик отправился к играющим.

— Парфен то два зараз сшиб! — раздалось в толпе и счастливый паренек положил в шапку пару яиц и покатил снова красное яйцо по доске.

— Мимо! — крикнул Фомка, — далой ступай! Анюткин черед!

Анютка, приготовившая заранее яйцо для катанья, разжала кулак и покатила свою писанку прямо на крупную желтуху.

У Фомки сердце замерло: желтуха была последнее яйцо; он проиграл все яйца, что набрал за день.

— Анютка! — жалобно закричал он.

— Что тебе? — отозвалась девочка.

— Отдай мне мое яйцо, я те завтра другое дам.

— Ну, нет! — сказала Анюта, а потом остановилась, подумала и сказала весело: — Ну, бери его на счастье, да завтра отдай, смотри.

И она отдала яйцо Фомке.

— Ну, Алеха, кати; тебе начинать теперь.

Алеха покатиł большое красное яйцо и разом сшиб яйцо Анютки. Покатиł еще — сшиб еще.

— Ай да Алеха! закричали ребята. И Миколкино забрал!... и Степкино!... Алеха смеялся от радости и клал выигранные яйца в шапку.

Вдруг церковный колокол зазвонил к вечерне.

— Ну, Алеха, кати последний раз, да пора кончать!
— сказала Анютка. Алеха покатил, да мимо. Еще раз покатил — опять мимо. И он заплакал.

— Чего же ты реवेशь? Небось, когда выигрывал, то смеялся? сказал Фомка. Такая, брат, игра.

— Отдай ему яйцо и пусть убирается домой! закричали играющие.

— И вам довольно играть! — сказал дедушка, подходя к ребятам, — вишь к вечерне благовестят!

Игра кончилась. Пошли толпой ребята, считая свои выигрыши и проигрыши.

Птицы и насекомые весной.

Прилет птиц.

Солнце ласково, приветливо
на поля глядит с небес;
скоро зеленью оденется,
зашумит дремучий лес.

Из-за моря, моря синего

Вновь пожаловали к нам

с юга птички перелетные,
и порхают по лесам.
Для своих малюток теплые
на деревьях гнезда вьют,
славят небо благодатное,
о красе весны поют.

Грачи прилетели !

Скворец прилетел.

Тает снег под лучами яркого весеннего солнышка, там и сям на припеке проталинки. Проявился на улице грач. Старый дед сколачивает скворешню на заваulinке, а кругом ребятишки глядят.

„Что ты делаешь, дедушка?“

— „Другу дом тороплюсь смастерить.“

— „Какому другу?“

— „Да все тому же другу нашему, скворушке веселому.“

... Холодно мартовским утром.

Ярко блестит посинелый снежок. Выбежал Гриша на улицу и кричит: „Дедушка, дедушка! погляди-ка скворец прилетел.“ Вышел дед на улицу, за ним выбежали внучата. Смотрят: сидит скворец на той скворешне, которую дед устроил. Дед посмотрел и сказал: „Видите, дети, мой труд не пропал даром, к нам скворушка прилетел.“

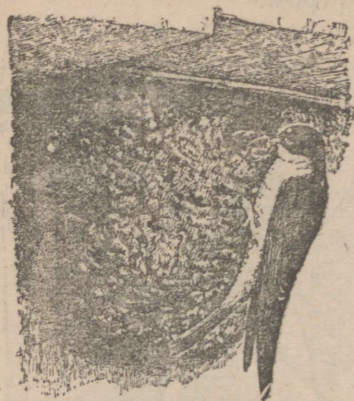

Мужик и скворец.

С ранней весны вплоть до осени и мужик и скворец заодно работают. Пашет пашню мужик, и скворец за сохой: кочки разгребает, личинки отыскивает, червей из земли таскает. Мужик сено косить, и скворец на луг: поедает вредных жуков, кузнечиков, мух. Мужик — стадо пасет, и скворец тут, как тут. Меж коров и овец он как свой: в спинах у них копошится, чистит шерсть.

Если бы счел мужик, что добра-то ему сохраняет скворец, то построил бы ему не скворешню а дворец.

Ласточка.

Ласточки под крышей
вьются торопливо
и из грязи лепят
домик свой красиво.
Перья, пух, солому
клювиком таскают,
теплую постельку
деткам устилают.

Горе кукушки.

Там, вдали за рекой,
раздается порой:

Ку-ку! Ку-ку!

Это птичка кричит
у зеленых раkit:

Ку-ку! Ку-ку!

Потеряла детей:
жалко бедненьких ей!

Ку-ку! Ку-ку!

Деток ищет, зовет
и так горько поет:

Ку-ку! Ку-ку!

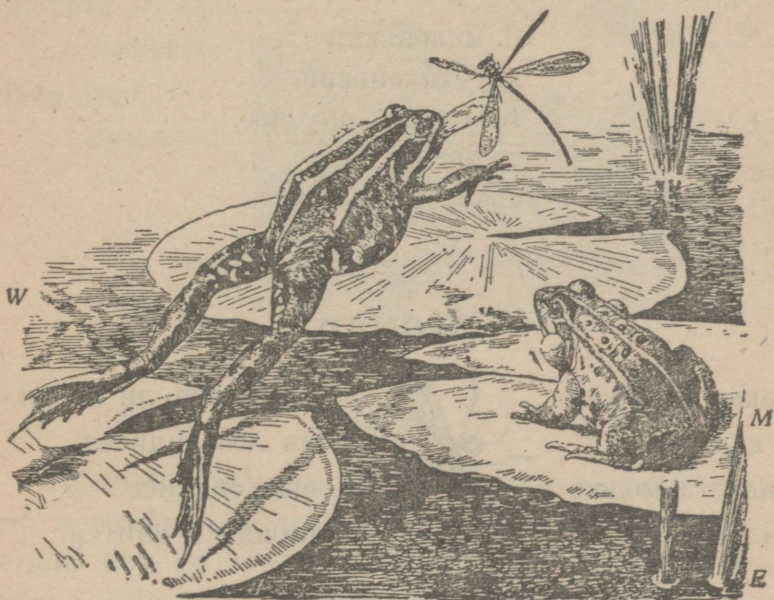

Жаворонок.

Пахнет полем, воздух чистый;
в безмятежной тишине
песни птички голосистой
раздаются в вышине.
Есть у ней своя подруга,
есть у ней приют ночной
среди некошенного луга
под росистою травой.

Лягушка.

Вот лягушка по дорожке
Скачет вытянувши ножки
ква-ква-ква, ква-ква-ква
проглотила комара.

Шлеп да шлеп, а тут подружки
из воды кричат лягушки.

Вот из лужицы на кочку
да за мушкою в прискочку;
мушек в поле, то и знает
язычком своим хватает.
Больше есть ей не охота,
прыг опять в свое болото.

Загадка. Сидит в воде Тарас кричать горазд.

Кто я?

Я маленький
да удаленький,
тебе спать не даю,
по ночам пою,
кровь твою пью.

Комар.

Какая крошка,
а как кусает!
Как эта мошка
надоедает!

Смахнешь ли с шеи —
на лоб садится,
еще сильнее
пищит и злится.

И так все сутки
он над тобою
и ни минутки
не даст покою.

Майский жук.

Весенним возду-
хом обвеян
ужасно я рас-
сеян
и полон вешних
дум.
За все я зацеп-
ляюсь,
с налета — на-
тыкаюсь,
Шлёп-бух!
Зум-бум!

Паук.

Проснулся весной паук и стал он ножками тря-
сти, мережки плести и ставить их на дорожке, куда
летали комары да мошки. Попала к нему муха-
горюха; а паук на нее наскочил, хочет ее губить.
Тут муха взмолилась: — батюшка паук! не губи
ты меня. — Сжалился паук и пустил ее на все че-
тыре стороны.

Полетела муха забубнила: „Ой, вы, мухи-горюхи

комары да мошки! Проявился паук, стал он мережки плести — всех вас передушить хочет! — Полетели

комары и мошки, забились под осиновое корыто и лежат словно мертвые.

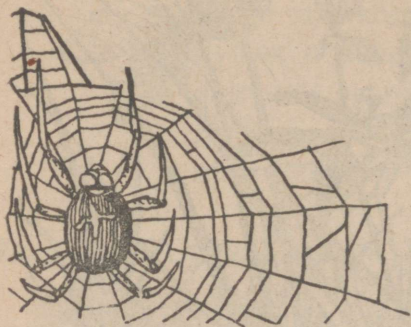
Ждал, ждал паук — никто к нему в гости не летит. Отыскал он тогда таракана-усаща и говорит: — иди, таракан, ударь в барабан! скажи всем комарам да мошкам,

что паука больше в живых нет: в город мол его отослали и там ему голову отсекли.

Пошел таракан, ударил в барабан, подлез под осиновое корыто и кричит: — что вы тут запали, словно мертвые сидите! Ведь паука давно в живых нет: его в город услали и там ему голову отсекли. — Обрадовались комары и мошки, вылезли из-под корыта да к пауку в сети и попались. А он, разбойник, рад гостям, принялся их душить, да еще приговаривает: — что вы очень мелки? Почаще бы ко мне в гости бывали, моего пивца испивали!

Горе паука.

Там, где алые сирени гнутся вокруг беседки, ветер яростно качает паучка на ветке... Разыгралась, видишь, буря, а чему так рада? Накидала с неба кучи скачущего града. Притаилось все живое. В страхе очи жмуря, паучок к листку прижался, — пощадит ли буря? Долго, долго он трудился, вывел

паутинку, — и умчал ее куда-то ветер, как былинку... Стихла буря, и запели птички как-то внятней; ландыш выпрямил головку, пахнет ароматней; люди снова копошатся; воробей уж скачет а паук на голой ветке только-что не плачет.

Отчего в мае бывают морозы.

Позвал Март к себе Апреля в гости. Апрель собрался ехать на телеге, а Март послал мороз и снег. Вернулся домой Апрель, на телеге не проедешь. дождался он следующего года и собрался в гости к Марту уже на санях. А Март нагнал тепла: реки разлились, и Апрелю снова пришлось вернуться с дороги домой.

Встретился Апрель с Маем и жалуется: „Сколько раз собираюсь к Марту в гости, да никак не доеду. Поедешь на телеге, — такая зима станет, что невозможно ехать; поедешь на санях, глядишь — оттепель и дорога такая, что ни на телеге, ни на санях“. Май ему отвечает: „Я тебя научу, как доехать: возьми с собой телегу, сани и лодку, тогда и доедешь.“

Апрель дождался своего времени и сделал, как научил его Май. Поставил телегу и лодку на сани и едет. Мартдохнул теплом, снег растаял. Апрель положил сани и лодку на телегу и едет дальше. Март опять за мороз и за снег. Апрель снова поставил телегу и лодку в сани. Наконец, снег растаял, и везде по оврагам потекли речки: нельзя ехать ни на санях, ни на телеге. Апрель сложил и сани, и телегу в лодку и плывет себе. Так и добрался к Марту.

Тот не ждал его, удивился и спрашивает: — „Кто же тебя научил, как ко мне доехать?“ А Апрель отвечает: „Май“. „Ну, погоди же ты, Май, — сказал Март: я тебе крылья то потреплю“. И стал Март иногда посылать в Мае морозы. И теперь часто бывают в Мае мартовские морозы, потому что Март все еще сердится на Май.

Дятел.

Тук-тук-тук!

Раздается гулкий стук.

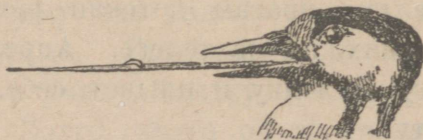
То под веткой дятел пестрый
лапками цепляется,
хвостом упирается,
носом постукивает,
мурашей да козявок
из-за коры выпугивает,
кругом ствола бежит,
никого не проглядит.

Бьет козявок и букашек
и жучков и таракашек.

Тук-тук!

Где тут самый вкусный жук?

Испугались мураши: со страху корячутся, за корою прячутся — не хотят вон итти. Дятел стучит, клювом кору долбит, язык в дыры запускает: мошек, словно рыбу таскает.

Муха и комар.

Вечером в комнате на столе горела свечка. Молодой комар увидал огонь и влетел в комнату. А чтобы лучше насмотреться на огонь, он ближе и ближе подлетал к нему. Наконец он подлетел так близко к огню, что у него загорелись ножки и крылья, и комар — мертвый — упал на пол. „Какая неосторожность! Разве можно так обращаться с огнем?“ сказала муха, которая видела, как погиб комар. „А я осторожна не только с огнем, но и со всеми теми лакомствами, которые расставляет человек, чтобы губить мух“.

Вскоре увидела муха блюдечко с вареньем. Она подлетела к нему, села на край и начала осторожно лакомиться. Но варенье была так вкусно, что она шла все дальше и дальше. Наконец она завязла так, что не могла уже вылететь, и погибла.

Чик-чирик!

Один шалун мальчик положил яичко из воробьиного гнездышка в гнездо овсянки. Высидела овсянка деток. Родные были серенькие с желтыми грудками, а чужой — серенький с коричневой головой.

— Что за урод такой! — удивилась овсянка. Родные дети кричали: „Ти!“ А чужой ладил свое: „Чик!“

— Да ведь это воробей! — догадалась овсянка.

— Это мне кто то воробьиное яйцо подсунул.

Когда воробей оперился, овсянка сказала ему:

— Ты не наш, ты чужой, лети к своим родным!

— Где же мои родные? Я ведь не знаю; — сказал воробей.

— А ты спрашивай, — учила овсянка: — язык куда угодно доведет. Где ответят тебе: „чик-чирик!“ там и родные твои. Мы в лесу живем, а твои родные к человеку жмутся.

Полетел воробей искать своих родных. Прилетел в село, сел на старое дерево около дома и думает: „не тут ли мои родные живут?“ и заглянул в дупло дерева.

— Кга! — сердито закричала ему из дупла галка.

— Нет, это не моя родня, — подумал воробышек и перелетел с дерева на кануру. — Может, тут?

— Чик! — заглянул он в конуру.

— Ам! — отвечала ему собака.

— И это не мои, решил воробей, перелетая на хлевушок.

— Чик! — просунул он голову в дверь хлевушка.

— Хрю! — отозвалась свинья.

— Все не мои, — опечалился воробышек и полетел на соломенную закуску около избы. — Не тут ли? Чикнул в закуску, а оттуда: — Бяяя!

— Нет, это тоже не моя родня, повесил голову воробей.

Залетел он на чердак, увидел тут кошку и перепугался. Кошка бросилась его ловить; он от нее со страха залетел на огород. На огороде, и по изгороди, и по чучелу, и по грядам птички чирикают.

— Чик! — закричал воробышек.

— Чик-чирик! — отвечали птички и так все зачирикали, что оглушили гостя.

— Вот и нашел! Вот она, родня-то моя! — обрадовался воробышек.

Жук и дрозд.

Прыгает по дороге дрозд и наскочил на жука. Со страха жук споткнулся и перевернулся на спину. Хотелось ему опять спинку кверху поднять, чтобы крылья расправить, да не мог он.

— Вот славная добыча! — сказал дрозд. Жук еще больше испугался и зашевелил ножками.

— Так его не расклюешь, — говорит дрозд, — он мне в нос вцепится.

— Пропала моя головушка! — шептал жук. Дрозд стоял над ним и не знал, что делать. Наконец он нашел комочек земли и придвинул его к жуку.

— Ну повертывайся!

Жук зацепился лапками за комочек, перевернулся, поднял крылышки и улетел.

Бабочка.

Летит, порхает, милая,
живая легкокрылая,
над клумбой, по аллее,
быстрее и быстрее.

Под липою душистою,
где птички голосистые,
белеет, как снежинка,
и села на былинку.

А дети тонкой сеткою
хотят рукою меткою
поймать ее над травкой
и проколоть булавкой.

Лети, лети же, милая,
живая, легкокрылая,
от злой, опасной сетки
под ласковые ветки.

Стрекоза.

Облюбовала стрекоза зеленый кустик на берегу ручейка. Села она на гибкой веточке, распустила на солнышке пестрые крылышки и знай себе качается. Захочется стрекозе поест, схватит она на лету мушку, проглотит — и сыта.

Села рядом с стрекозой маленькая мушка и говорит: „Не стыдно тебе есть мух: нам, мухам, хочется так же жить, как и вам стрекозам“. Выпучила стрекоза свои большие круглые глаза и говорит: „Молчи, карапуз! Будь ты с меня ростом, стала бы я тебя есть?“

Поймала стрекоза муху и только хотела проглотить, как вдруг кто то ее схватил. Видит стрекоза, попала она птичке в клюв. Взмолилась стрекоза: „Сжальтесь, госпожа птичка, не губите меня молодую, красивую!“ „Молчи“ — ответила птичка: — не голодать же мне, ради твоей красоты“.

Божья коровка.

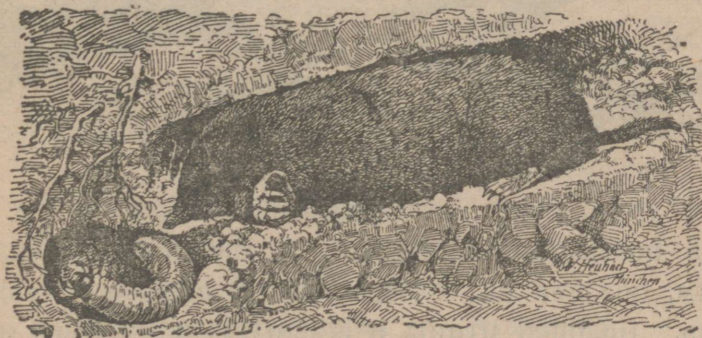
— Посмотри, тятя, какого я кругленького жучка поймал. Головка у него черненькая, крылья красные, на крыльях пятнышки. Да жив ли он? Что-то он не шевелится. — Жив, — сказал отец, — а только он прикинулся мертвым, сложил ножки, спрятал усики и ждет, чтобы ты бросил его на траву. Ты не мучь его: это друг сада — божья коровка —, очень полезный жучок. Он поедает травяных тлей, что кучами живут на растениях.

Но не долгодневна божья коровка: живет она одно только лето. Положит она яички, а сама умрет. Из яичек выйдут червячки — личинки. Они бойко ползают по листьям растений и еще больше, чем сам жучок, поедают тлей-насекомых. Личинка подрастет и окуклится, а из куколки выйдет жучок — божья коровка.

Крот и еж.

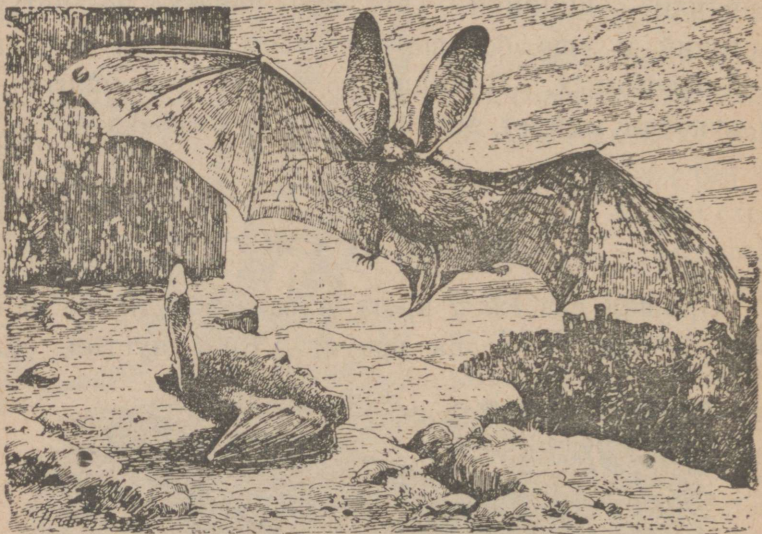
Пришел раз еж к кроту и сказал: „Пусти меня, крот, в свою норку на время“. Крот пустил. Как

только залез еж в нору, не стало житья кроту: все натыкался он на иглы гостя. И сказал крот ежу: „Я пустил тебя только на время, а теперь уходи: мне больно“. Еж сказал: „Тот уходи, кому больно, а мне здесь хорошо“.

Летучая мышь.

Однажды птицы затеяли войну с животными; победа была то на стороне птиц, то на стороне животных. Но летучая мышь была хитра и осторожна. Когда побеждали птицы, она с ними весело летала

и все удивлялись этой необыкновенной птице. А когда побеждали животные, то она присоединялась к ним, ползала на четвереньках и выдавала себя за мышь. Наконец птицы и животные утомились и за-

ключили мир. Тогда все узнали лицемерие летучей мыши и начали ее преследовать: у животных ее стережет кошка, а у птиц — сова. Поэтому она и избегает света, а одиноко летает среди тёмной ночи.

В саду и в поле.

Сад.

В детстве я помню,
наш садик старинный
дедушка сам разводил:
с сажнем, со скребкой,
с веревкою длинной
он вокруг дома ходил...

„Ну, говорил он мне, — маленький внучек,
деду теперь помогай,
ты не жалея своих ручек,
ямки со мною копай.

Ты доставай мне из сада прививки,
колья за мною носи,
воду из кадки таскай для поливки,
глину лопатой снеси.

Здесь-то, вот видишь ты
яблоньки будут,

тут вот крыжовник“. „А там?“

Там-то малина, смородина будет
вкусно все! Есть будешь сам.
Густо повиснут широкие ветки
будет житье соловьям;
там мы устроим аллеи, беседки,
кинем цветы по лугам.“

Старик и яблони.

Старик сажал молодые яблони. Ему сказали:

— Зачем тебе эти яблони? Долго ждать с этих
яблонь плода, а ты не с'ешь с них яблочка.

Старик сказал:

— Я не с'ем, другие с'едят, мне спасибо скажут.

Сад и птички.

У одного хозяина был большой сад. Весною деревья одевались листьями, украшались душистыми цветами. К осени в саду поспевали красные вишни, румяные яблоки, груши, сливы. И весной и летом в саду раздавались звонкие песни птичек.

У хозяина был сын. Когда мальчик подрос, он любил бегать по саду и лакомиться плодами. Он

любил еще разорять птичьи гнезда. Тогда бедные птички покинули сад.

Пришла новая весна. Деревья распустили почки и зацвели. Но вот появились на деревьях гусеницы и поели и цветы и листья. Голые деревья смотрели печально.

Пришла осень; в саду не было ни яблок, ни груш.

Яблонька.

„Что ты, яблонька моя,
яблонька,
яблонька моя зеленая.
Не цвела ты прошлою весною,
не плодила сладких яблоч-
ков?“

— Худо была я поливана,
худо была я лелеяна,
оттого не плодила я яблоч-
ков. —

„Стану я сама тебя поливати,
стану сама тебя лелеяти,
сама корешок обчищати,
сама червячков обметати.“

Посев.

В поле влажном, за оврагом,
по неровным бороздам
ходит пахарь мерным шагом
сея, сея здесь и там.
Вот умеренной рукою

он взмахнул, и вглубь земли
семена его от зною
солнца летнего ушли.

Дальше, дальше! Полу-
кругом

улетают семена;
много здесь пахали плугом,
здесь пылила борона...
Много силы, много поту
здесь истрачено, — и вот
за упорную работу
жатва пышно расцветет.

Как сажают картофель?

Дождь.

Туча, ты туча
пролейся дождем —
мы давно его ждем.

Дождик, ты дождь!
поливай весь день
на наш ячень.

Поливай ты рожь,
чтобы хлеб был хорош.
Поливай ты овес,
чтобы сам-сорок принес.

*Загадка. Меня просят и ждут, а только пока-
жусь так прятаться начнут.*

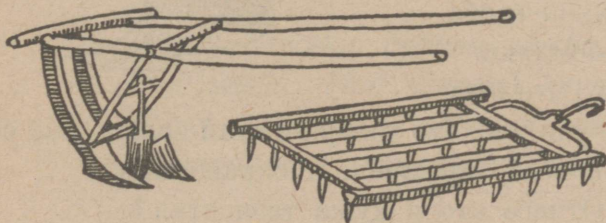
После дождя.

Напилась воды
земля досыта
на поля, сады
на зеленые,
люди сельские

не насмотрятся.
Люди сельские
Божьей милости
ждали с трепетом
и молитвою.

Земледельческие орудия.

Соха.

Ты, соха ли, наша матушка,
горькой бедности помощница,
неизменная кормилица,
вековечная работница!
По твоей ли соха милости
с хлебом гумна пораздвинуты;

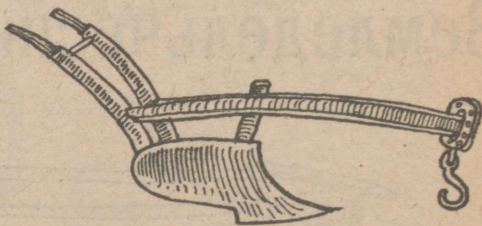
сыты злые, сыты добрые,
по полям ковры раскинуты!
Ах, крепка, не знает устали
мужичка рука железная,
и покоит соху-матушку
одна ноченька беззвездная!

Пословица. Сами не богаты, а весь мир кормят.

Загадка. Ноги много, а с поля на спине ползет.

Два плуга.

Сделал кузнец из куска железа два плуга. Один плуг купил мужик, а другой — кунец. У мужика плуг пошел сейчас в работу, а у купца пролежал в лавке без дела целый год. Сошлись как-то оба плуга-земляка.

Тот плуг, что был в лавке, увидел, что товарищ стал белый, как серебро, а сам он весь заржавел, и спрашивает:

— Отчего это я хуже тебя стал?

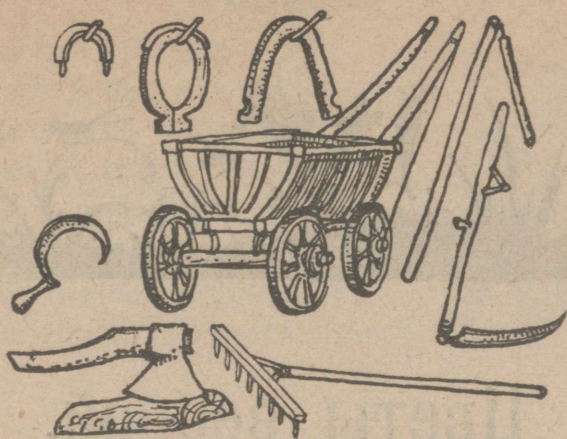
— Оттого, что я работал, а ты все время на боку лежал, — отвечал товарищ.

Загадка. Темная корова все поле перепорола.

Телега говорит: „Мне летом тяжело“.

Сани говорят: „Нам зимой тяжело“.

А лошадь говорит: „Мне зимой и летом тяжело“.

- Загадки.**
- 1) *Кланяется, кланяется придет домой
растянется.* (Топор.)
 - 2) *Маленький горбатенький все поле про-
скакал, пришел домой целый год про-
лежал.* (Серп.)
 - 3) *Летят гуськи дубовы носки, шейки
кожаные. Над головой крутятся в
руках вертятся, стучат, гремят и
все говорят: „то-то мы, то-то мы!“*
(Цепы.)
 - 4) *Травы поем, зубы вытуплю; пёску
хвачу, опять наточу.* (Коса.)
 - 5) *Скоро ест и мелко жует, сама не
глотаёт и другим не даёт.* (Пила.)

Цветы весной.

Загадочный цветок.

Не с колокольни слышен звон:
дитя прелестное идет
и колокольчик нам несет,
не из металла сделан он.
Дитя знакомо нам давно,
его зовут у нас — весной;
всегда приносит нам оно
цветы и радости с собой.
Цветочек тож тебе знаком:
ужели ты не угадал?
Ты любовался тем цветком,
как снег в полях еще лежал,
и говорят — слышал-ли ты? —
что он той раннею порой
будит все прочие цветы,
чтоб их обрадовать весной.

Фиалка.

„Скажи, фиалка, отчего
ты рано так к нам воротилась,
когда в полях ни одного
еще цветка не распустилось!“

— „Бедна нарядом и мала,
я меж других цветов незрима;
и еслиб с ними я цвела,
ты, может быть, прошел бы мимо.“

Одуванчик.

Одуванчик отцвел
и на месте цветка
появилась коронка пуховая.
Семена его — в каждой тычинке пушка,
в семенах жизнь готовится новая...

Ветерок чуть дохнет, —
мчит пушинки вразброд,
вся коронка его разлетается;
все, что создал, дает
всем, что есть, он делиться старается.

*Загадка. Вокруг носа вьется, а в руки
не дается.*

Колокольчики.

Колокольчики мои, цветики-степные!
Что глядите на меня темно-голубые?
И о чем звените вы в день веселый мая,
среди некошенной травы головой качая!

Ландыш.

Ландыш белый, ландыш чистый,
я в лесной тени живу
и весною нежным звоном
на молитву всех зову.
Пчелы, мошки и стрекозы,
мотыльки, — со всех сторон,
все летят воздушным роем
на приветливый мой звон.
И собираемся мы вместе
в предвечерней тишине
и поем от сердца славу
небу, солнцу и весне!

Незабудка.

Где бы ни упало
подле ручейка
семя незабудки,
синего цветка, —
всюду чуть с весною
загрозит гроза,
взглянут незабудок
синие глаза.

Начальное понятие о гигиене.

Чистоплотность сохраняет здоровье.

В одной деревне жил крестьянин Иван. Он был славный малый, но у него был один недостаток: он был нечистоплотен.

В воскресные дни Иван приходил в храм с нечесанными волосами, в грязной рубашке и грязном зипуне. Вот как выйдет Иван из церкви, соседи и спрашивают его: „ходишь ли ты, Иван, в баню?“ А он в ответ: „Нет, недосужно было“. И все ему не досужно. За стол, бывало, сядет, рук не вымоет; встанет поутру, тоже не моется; а в избе то у него грязи на целую четверть. Станут Ивану говорить, что он живет нехорошо, а он в ответ: „И так проживем: наше дело крестьянское“.

От нечистоты Иван заболел. Тело его покрылось болячками, которые страшно чесались. Бедняга с тела спал. „Что с тобой, Иван?“ спрашивали его соседи. — „Божий гнев“, отвечал он сквозь слезы. Поместили Ивана в больницу. Долго пролежал в больнице Иван, но все таки его вылечили. Надели на него чистую рубашку и выпустили, приговаривая: „В другой раз будь, Иван, чистоплотнее, Божий гнев бывает на тех, кто не любит себя в чистоте держать“.

Холодная вода.

Пошли мальчишки на лужайку: затеяли там разные игры и много бегали. Было жарко. Шалуны покраснелись, вспотели, а Андрюша побежал к источ-

нику и напился воды. На другой день Андрияша занемог: лежит, стонет, жалуется, что у него колет в боку и дышать трудно. Повезли Андрияшу к доктору. Доктор осмотрел его, прописал лекарство и сказал: „Когда вспотеешь, не пей холодной воды, не то так заболеть можно, что и помочь ничем нельзя“.

Загадка. Без языка, а сказывается.

Умей обождать.

Жили-были брат и сестра, петушок да курочка. Побежал петушок в сад и стал клевать зеленехонькую смородину, а курочка и говорит ему: „Не ешь, Петя! обожди, пока смородина поспеет“. Петушок не послушался: клевал да клевал и наклевался так, что насилу домой добрал: „Ох, — кричит петушок: — беда моя! больно сестрица! больно!“ Напоила курочка петушка мятой, приложила горчичник и прошло.

Выздоровел петушок и пошел в поле. Бегал, прыгал, разгорелся, вспотел и побежал к ручью пить холодную воду; а курочка ему кричит: „Не пей, Петя! обожди, пока остынешь“. Не послушался петушок, напился холодной воды — и тут же стала бить его лихорадка; насилу домой его курочка довела. Побежала курочка за доктором. Доктор прописал Пете горького лекарства, и долго пролежал петушок в постели.

Выздоровел Петя к зиме и видит, что речка льдом покрылась, захотелось петушку на коньках покататься, а курочка и говорит ему: „Ох, обожди, Петенька, дай реке совсем замерзнуть; теперь еще лед очень тонок, утонешь“. Не послушался петушок сестры; покатился по льду; лед проломился, и петушок — бултых в воду! Только его и видели.

Оглавление.

В семье.	Стр.
Мать	3
Любовь детей к матери	5
Десять работников	5
Домашние порядки	6
Маленькая няня	7
Помощник	9
Игра в городки	10
Аленушка	11
Малютка-мужичок	12
Дедушка	13
Кому труднее	14
Без хозяина дом — сирота	16

В школе.	
Сельская школа	17
Летом этот домик...	18
Игры	20
К чему нужен порядок	20

Урожай.	
Сбор яблок и груш	21
Яблочко	22
Сливы	23
Городской мальчик в поле	23
Урожай	26
Жнитво	26
Жатва	27
Хлеб убирают	27
Солома и колосья	28
Молотьба	29
Молотьба	30
Мельница	31
Водяная мельница	32

Осень наступает.	
Осень	33
Лес осенью	33
Сбор картофеля	34
Отлет птиц	36
Ласточка и воробей	37
Осень	38
Осенью	38
Бедный зайка	39
Две белки	40

Дом.	
Знакомые работники	42
Постройка дома	43
Ленивый хозяин	44
Трубочист	44
Клопы	45
Сверчок	46

Домашние животные.	Стр.
Гнедко	47
Что думает деревенск. лошадка	49
Недовольный осел	49
Корова	50
Жвачка	52
Пришла во двор корова...	53
Теленок	53
Свинushка	54
Хрюшка	55
Живи своим умом	55
Добрый совет	57
Верный друг	58
Преданная собака	59
Кот Васька	60
Про kota	60
Как кот мышку поймал	61
Враги	62
Горе мышки	62
Полеваямышь	63
Еж богатырь	64

Домашние птицы.	
Куры	65
Петушок	66
Умный петушок	66
Уточка	67
Переполох	69
Галка и голуби	69
Язык животных	70
Разговор	71

Зимой.	
Первый снег	72
Наступление зимы	73
Дедушка-мороз	73
Проказы старухи зимы	74
Снежинки — снежинки	75
Одеяльце	76
Сани	76
Зима и мужик	77
Теплая одежда	77
Детские игры	78
Снежная баба	79
На коньках	81
Как на базар ездили	81
Метель	82
Елочка	83
Елка	83
Христославы	84
Рождество	84

Время.	Стр.
Новый Год	85
Круглый год	86
Когда лучше?	86
Четыре времени года	87
Часы	88
Труд и отдых	89
Ленивая хозяйка	89
Утро	89
В сумерки	89
Зимний вечер	90
Ночью	91

Животные и птицы зимой.

Как животные спасаются от холода	91
Птички	92
Письмо воробья к человеку	93
Ворон и сорока	94
Снегирь	95
Снегирь—разборчивый жених	95

Весна наступает.

Зима и весна	96
Прощай, зимушка старушка	96
Дедушкино угощение	96
Вербная суббота	97
Наступление весны	98
Половодье	98
Пасха	99
Сиротка	100
На пасхе в деревне	101

Птицы и насекомые весной.

Прилет птиц	103
Скворец прилетел	104
Мужик и скворец	105
Ласточка	106
Горе кукушки	106
Жаворонок	107
Лягушка	107
Кто я?	108

	Стр.
Комар	108
Майский жук	109
Паук	109
Горе паука	110
Отчего в мае бывают морозы	111
Дятел	112
Муха и комар	113
Чик-чирик!	113
Жук и дрозд	115
Бабочка	115
Стрекоза	116
Божья коровка	117
Крот и еж	117
Летучая мышь	118

В саду и в поле.

Сад	119
Старик и яблони	120
Сад и птички	120
Яблонька	121
Посев	121
Дождь	122
После дождя	123

Земледельческие орудия.

Соха	123
Два плуга	124
Телега говорит...	124

Цветы весной.

Загадочный цветок	129
Фиалка	127
Одуванчик	127
Колокольчики	127
Ландыш	128
Незабудка	128

Начальное понятие о гигиене.

Чистоплотность сохраняет здоровье	129
Холодная вода	130
Умей обождать	130

-140

El. A-11413

TÜ RAAMATUKOGU

1 0300 01153132 6

Склад издания:

г. Юрьев, Петроградская 93, А. Янверк
г. Ревель, Михайловская 23, „Kool“.